

822.165.2.09(082)Гринченко

З-14

Л. И. ГЛѢБОВЪ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

М. Загирней и Б. Гринченко.

ЧЕРНИГОВЪ.

Типографія Губ. Земства.

1900.

000000149883

Бібліотека Київського університету ім. Б. Грінченка

ПРОДАЮТЬСЯ ПО КНИГАРНЯХЪ

книжки, заходомъ Б. Гринченка видани.

№№ 1—7, 9—19, 21—22, 24—26, 28—30, 35, 36, 38—45 друковано
коштомъ И. Я. Череватенка).

1. *Чайченко (Гринченко)*. Батько та дочка. Оповідання. Ц. 5 к.
2. *Чайченко (Гринченко)*. Пидналь.—Панько. Оповідання. Ц. 3 к.
3. *Чайченко (Гринченко)*. Робинзонъ. Оповідання. Ц. 10 к.
4. *Живи струни*. Збирка писень. Цина 12 к.
5. *Коцюбинський*. П'ятнадцатникъ.—Оповідання.—Цина 3 коп.
6. *Коцюбинський*. Харитя.—Яльска. Мал. гришникъ. Цина 5 к.
7. *Вирна пара та инше*.—Оповідання та вирши Г. Барвинокъ,
Е. Гребинки, М. Вовчка, М. Костомарова, П. Кузьменка, Л.
Боровиківського. Цина 8 коп.
8. *Гордієнко*. Кумъ-ханъ.—Прыгода у повидь. Оповідання. Ц. 3 к.
9. *А. Т....* Добра душа.—Оповідання. Цина 5 коп.
10. *Шевченко*. Катерина. Цина 3 коп.
11. *Чорноморци у неволи*. Якъ чоловікъ конемъ бувъ. Цина 5 коп.
12. *Гринченко (Чайченко)*. Байки.—Цина 15 коп.
13. *Гринченко*. Неймовирный. Драма на пять дій. Цина 15 коп.
14. *Заиря*. Добра порада. (Лики видь скаженои собаки). Ц. 5 к.
15. *Казка про перлове намисто*. Цина 4 коп.
16. *Крынычка*.—Оповід. та вирши: Артемовського-Гулака, М. Вовчка,
Гребинки, Кулиша, Метлыньського, Федьковича, Шевченка,
Щоголева та инш. Ц. 7 коп.
17. *Коваленко*. Правдыве слово та инше. Цина 6 коп.
18. *Заиря*. Якъ выгадаю машиною йиздыты (про Стефенсина).
Цина 5 коп.
19. *Коваленко*. Видь чого вмерла Мелася. Про обкладъ (дифтерію).
Цина 5 коп.
20. *Думы кобзарьски*. Упорядкувавъ Б. Гринченко. Цина 5 коп., а на
гарному папери 15 коп.
21. *Страшны забавкы*. Про римський циркъ. Ц. 3 к.
22. *Коваленко*. Чума на людяхъ. Ликарьське оповид. Цина 3 коп.
23. *Заиря*. Орлеанська дивчына Жанна д'Аркъ. Цина 6 коп.
24. *Заиря*. Пидъ землею. Про шахты. Оповідання. Цина 12 коп.
25. *Добрый звиръ*. Оповідання про слова. Ц. 5 коп.
26. *Чередникъ та дивчына*. Оповідання. Ц. 3 коп.
27. *Веселый оповидачъ*. Двисти народныхъ оповиданийъ. Упорядку-
вавъ Б. Гринченко. Цина 20 коп.
28. *Колоскы*. Казкы та оповидання. Упорядкувавъ Б. Гринченко.
Ц. 12 коп.

Л. И. ГЛѢБОВЪ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

М. Загирней и Б. Гринченко.

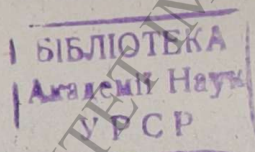
КИЇВСЬКИЙ УНІВЕРСИТЕТ
ІМЕНІ БОРИСА ГРІНЧЕНКА
Ідентифікаційний код 02136554
БІБЛІОТЕКА

ЧЕРНИГОВЪ.

Типографія Губ. Земства.
1900.

Дозволено цензурою. Москва. 26 апрѣля 1900 г.

УХ 430

Л. И. Глѣбовъ.

(1827—1893).

Біографическій очеркъ.

I.

Леонидъ Ивановичъ Глѣбовъ родился 19 февраля 1827 года въ с. Веселый Подоль, Хорольскаго уѣзда Полтавской губ. Тамъ отецъ его, Иванъ Назарьевичъ, былъ завѣдывающимъ конскими табунами въ имѣніи Гавріила Родзянко, небезызвѣстнаго въ Полтавщинѣ потомка стараго украинскаго рода. Семья Родзянокъ была изъ интеллигентныхъ и образованныхъ. Сыновья Родзянко водили знакомство ~~с~~ Пушкинымъ, Давыдовымъ и другими писателями того времени. Осенью 1828 г. Пушкинъ, пріѣхавъ къ Родзянкамъ, читалъ у нихъ «Евгенія Онѣгина». Одинъ изъ сыновей Гавріила Родзянко, Аркадій, и самъ писалъ стихи.

Иванъ Назарьевичъ Глѣбовъ былъ принятъ въ семью своего хозяина не какъ служащій, а какъ другъ и совѣтникъ. Поэтому то крестнымъ отцемъ сына его Леонида былъ Платонъ Гавріиловичъ Родзянко, а впоследствии братъ его Порфирій взялъ на себя заботы о его воспитаніи.

По смерти отца, а потомъ и матери, братья Родзянки подѣлились оставленнымъ имъ въ наслѣдство имуществомъ. Порфирію Гавріиловичу досталось с. Горбы Кременчугскаго уѣзда, куда онъ и переѣхалъ, пригласивъ

къ себѣ и Ивана Назарьевича Глѣбова. Въ этомъ селѣ Леонидъ Ивановичъ Глѣбовъ прожилъ свое счастливое дѣтство.

Веселый добрый мальчикъ пользовался общей любовью. Его любили и въ своей семьѣ, и въ семьѣ Родзянокъ, любили его и крѣпостные дворовые, такъ какъ много разъ приходилось ему съ успѣхомъ ходатайствовать за нихъ, когда имъ случалось въ чемъ нибудь провиниться. Нѣкоторыхъ изъ нихъ по его просьбѣ Родзянко даже выпустилъ на волю.

Порфирій Родзянко былъ изъ тѣхъ малорусскихъ помѣщиковъ, въ семьѣ которыхъ соблюдались всѣ старинные украинскіе обряды и обычаи. То-же самое было и въ семьѣ Глѣбова. Маленькій Леонидъ, или, какъ его называли, Леликъ, принималъ во всемъ этомъ самое дѣятельное участіе. То, исполняя возложенную на него почетную обязанность, ставитъ онъ «кутю на покуть», то съ бабушею Одаркою разрисовываетъ «пысанкы», то хлопочетъ о томъ, чтобы пасхальная заутреня или водосвятіе «на Іордани» сопровождалось стрѣльбою. «Колядныкы», «щедривыкы», «засивальныкы», «виршувальныкы» смѣло шли въ панскій дворъ, гдѣ встрѣчали радушный пріемъ и щедрое угощеніе. Пріемомъ этихъ праздничныхъ гостей завѣдывалъ Леликъ, въ распоряженіе котораго давались нужныя для этого деньги.

Поэтическая натура ребенка проявилась еще и въ любви его къ цвѣтамъ. Замѣтивъ эту любовь, ему поручили присмотръ за цвѣтникомъ. Его завѣдываніе цвѣтами было настолько успѣшно, что мальчикъ получилъ даже прозвище: «квитчастый король». Здороваясь съ нимъ, обыкновенно говорили: «Здоровъ бувъ, Льольку, квитчастый корольку!»

Вообще впечатлѣнія дѣтства Глѣбова были самыя благопріятныя: любящая семья, теплое отношеніе воспитателя, поэтическіе обычаи малорусскаго села, картины родной природы и цвѣты—все соединялось для выработки

душевной гармоніи и доброты, отличавшихъ его впоследствии, а также и для развитія его поэтическаго дарованія. Картины родной природы и жизни родного народа, съ дѣтства окружавшія мальчика, глубоко запали ему въ душу и впоследствии образно и художественно воспроизводились имъ въ его поэтическихъ произведеніяхъ.

Когда мальчику пошелъ седьмой годъ, то мать его, Ирина Гавриловна, начала сама учить его читать. Ирина Гавриловна была женщина довольно образованная; она воспитывалась въ семьѣ пановъ Трошинскихъ, была знакома съ Гоголями—отцемъ и сыномъ. Придерживаясь стараго обычая, Ирина Гавриловна начала учить сына въ день святого Наума. Помолясь Богу, она показала сыну четыре буквы и послѣ этого накормила его вкусною кашею, тоже согласно обычаю. Законъ Божій, ариметику, языки латинскій и греческій преподавалъ мальчику мѣстный священникъ о. Яковъ Заблоцкій, а писать училъ его Порфирій Гавриловичъ Родзянко, не жалѣвшій ни труда, ни денегъ для образованія своего любимца.

Въ 1840 году Леонида отвезли учиться въ Полтавскую гимназію. Хотя мальчикъ былъ очень хорошо подготовленъ дома, но директоръ гимназіи Капнистъ посоветовалъ помѣстить его въ первый классъ, чтобы онъ прошелъ систематически весь курсъ гимназіи съ самаго начала.

Леонида помѣстили на квартиру къ Василию Степановичу Проксфьеву. Это былъ добрый человекъ и, по всей вѣроятности, онъ благотворно вліялъ на развитіе симпатичныхъ чертъ характера мальчика. При его помощи Леонидъ очень успѣшно учился въ гимназіи.

Поступивъ въ гимназію, Леонидъ, до того времени постоянно жившій въ кругу родныхъ, сильно затосковалъ за домомъ и излилъ свою тоску въ небольшомъ стихотвореніи: «Сонъ». Но тосковалъ онъ только первое время, а потомъ привыкъ и хорошо жилось ему въ Полтавѣ. Въ 1844 году посетило его первое большое

горе: умеръ П. Г. Родзянко, такъ много о немъ заботившійся.

И послѣ его смерти Леонидъ продолжалъ учиться въ гимназіи, но окончить курсъ ему такъ не пришлось. Дойдя до седьмого класса, онъ заболѣлъ и долженъ былъ прекратить ученіе (въ 1848 г.). Онъ уѣхалъ на хуторъ къ отцу въ Кременчугскій уѣздъ и тамъ жилъ, укрѣпляя свое здоровье.

Выздоровѣвъ, онъ хотѣлъ поступить въ Кіевскій университетъ на медицинскій факультетъ, такъ какъ очень любилъ медицину, прочелъ много медицинскихъ книгъ и даже пробовалъ практически заниматься этою наукою подъ руководствомъ врача Бонишевскаго. Но къ большому его огорченію попасть въ университетъ ему не удалось и въ 1849 году онъ поступилъ въ Нѣжинскій лицей.

Въ 1851 году Леониду Ивановичу снова пришлось пережить еще болѣе тяжкое горе: отецъ его, переѣзжая зимою черезъ Днѣпръ по льду, провалился въ воду, заболѣлъ послѣ этого горячкой и умеръ. Черезъ два года умерла и мать его.

Послѣ смерти отца Леонидъ Ивановичъ на годъ оставилъ лицей и жилъ у себя на хуторѣ. Въ 1852 году, 12 мая, онъ женился на дочери нѣжинскаго протоіерея Прасковѣ Ѳедоровѣ Бордоносвой.

Окончивъ въ 1855 году, уже женатымъ, Нѣжинскій лицей, Глѣбовъ былъ учителемъ географіи и исторіи въ Черномъ Островѣ Подольской губерніи, въ тамошнемъ дворянскомъ училищѣ и, кромѣ того, надзирателемъ общей ученической квартиры при томъ же училищѣ *).

*) Глѣбову не нравилось въ Черномъ Островѣ: «Весна меня оживила; я радъ ей, какъ дитя. Мѣстоположеніе въ Черномъ Островѣ очень не дурно: прекрасный садъ, вода; все цвѣтеть, дышетъ жизнью... а я, подъ часъ, грущу по родинѣ и невольно повторяю слова Чужбинскаго: «Далеко десь моя симья, а тутъ усимъ неридный я». Во время оно, подъ вліяніемъ подобной грусти (натура

А затѣмъ, съ 1858 по 1863 годъ, былъ учителемъ географіи въ Черниговской гимназіи и надзирателемъ «благороднаго при гимназіи пансіона». Кромѣ того, онъ былъ учителемъ всеобщей исторіи и географіи въ пансіонѣ г-жи Карачевской-Волкъ *).

Какъ учитель онъ пользовался чрезвычайною любовью учениковъ. Бывшіе его ученики рассказываютъ о немъ, что онъ совсѣмъ непохожъ былъ на современныхъ педагоговъ: онъ читалъ (увлекательно и прекрасно) ученикамъ лекціи и почти ни у кого не спрашивалъ уроковъ,

знаете, козача!) я написалъ однажды маленькіе стихи (изъ Дмитріева), подъ заглавіемъ:

Нетутешня былына.

«Сказавъ разъ кушъ Былыни» и т. д. (Приведена басня «Былына»—въ изд. 1882 г. стр. 102, № XLIX). Если эта былинка понравится вамъ, попробуйте, пожалуй, посадить ее на почвѣ болѣе родной, на полѣ неофф. части вашихъ Вѣдомостей». (Письмо къ Шишацкому Илличу отъ 17 мая 1858).

*) Историкъ малорусской литературы профессоръ О. Огоновскій со словъ г. Костя Одовця, напечатавшаго критическій разборъ «Очерковъ исторіи украинской литературы» Петрова («Дило» 1884, № 55) говоритъ, что Глѣбовъ, бывши въ лицѣ, «написалъ по малорусски драматическое произведеніе «Остапова правда». Выйдя изъ лица, онъ поступилъ на службу въ Черниговъ, и здѣсь театральная труппа Домбровскаго играла его «Остапову правду». Такъ какъ она очень нравилась публикѣ, то Домбровскій сталъ уговаривать Глѣбова поступить актеромъ въ его труппу; но онъ рѣшилъ быть учителемъ и учительствовалъ сначала въ Черномъ-Островѣ Подольской губ., а затѣмъ въ 1858 г. перешелъ учителемъ въ Черниговскую гимназію, гдѣ служилъ до 1863 г.» («Зоря» 1887, стр. 301). Врядъ ли это сообщеніе вѣрно. Изъ формулярнаго списка Л. И. Глѣбова видно, что, окончивъ въ 1856 г. курсъ Нѣжинскаго лицея о степени дѣйствительнаго студента, онъ въ томъ же году, 1-го сентября, опредѣленъ былъ на службу въ Черноостровское уѣздное дворянское училище. Что касается сообщенія, будто бы имъ написано драматическое произведеніе «Остапова правда», то на это нѣтъ никакихъ указаній ни въ бумагахъ самого Глѣбова, ни его друга А. А. Тишинскаго. Глѣбовъ дѣйствительно написалъ «Остапову правду», но это небольшое стихотвореніе, напечатанное въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1855 г., № 48.

употребляя определенное на это время на чтение ученикамъ книгъ, часто совсѣмъ не относившихся къ его специальности. При этомъ онъ никогда и никого не наказывалъ. И на его урокахъ всегда былъ образцовый порядокъ, потому что даже самые отчаянные шалуны не находили возможнымъ нарушать покой на лекціяхъ любимаго учителя. На экзаменахъ тоже всегда какъ то такъ выходило, что ученики Глѣбова исторію и географію знали какъ слѣдуетъ, и посторонніе экзаменаторы уходили изъ гимназіи съ убѣжденіемъ, что въ Глѣбовѣ они имѣютъ учителя, требующаго отъ учениковъ точнаго и безукоризненнаго изученія положенныхъ по штату учебниковъ.

Бывши учителемъ гимназіи въ Черниговѣ, Глѣбовъ съ іюля 1861 года началъ издавать еженедѣльную газету «Черниговскій Листокъ». Газета печаталась на двухъ языкахъ: русскомъ и малорусскомъ. Но уже въ 1863 году она должна была пріостановиться, Глѣбовъ потерялъ должность и долженъ былъ выѣхать изъ Чернигова. Онъ переѣхалъ въ Нѣжинъ къ своему тестю. Здѣсь на него обрушился рядъ несчастій. Вскорѣ послѣ переѣзда въ Нѣжинъ умерла его жена, и самъ онъ тяжело заболѣлъ. Думали, что и онъ умретъ; но онъ остался живъ, хотя послѣдствіемъ болѣзни явилось сильное ослабленіе зрѣнія, а въ старости почти полная потеря его. Больному, лишенному почти всякихъ средствъ къ жизни, Глѣбову жилось очень тяжело и только благодаря и нравственной, и матеріальной поддержкѣ нѣкоторыхъ друзей могъ онъ пережить это тяжелое время.

По причинѣ исключительныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ онъ находился, пристроиться гдѣ нибудь на мѣсто было ему очень трудно. Между прочимъ онъ пробовалъ получить службу въ Варшавѣ при помощи служившаго тогда тамъ П. А. Кулиша, но дѣло не удалось*).

*) Вотъ касающееся этого письмо Кулиша отъ 25 мая 1867 года, имѣющее значеніе не только для біографіи

Наконецъ черниговскій губернаторъ кн. Голицынъ дозволилъ Глѣбову возвратиться въ Черниговъ и 11-го августа 1865 года назначилъ его на службу въ свою канцелярію, а въ 1867 году онъ занялъ должность завѣдывающаго типографіей Черниговскаго губернскаго земства. Въ этой должности Леонидъ Ивановичъ Глѣ-

Глѣбова, но и для выясненія до сихъ поръ мало извѣстной исторіи службы Кулиша въ Царствѣ Польскомъ: «Любезнѣйшій моему сердцу Леонидъ Ивановичъ! Много разъ помышлялъ я о приглашеніи Васъ на службу въ Царство Польское и все ждалъ лучшаго устройства моихъ служебныхъ дѣлъ, чтобы помѣстить васъ такъ, какъ слѣдуетъ. Съ 1864 года, начавъ здѣсь службу съ ничего (т. е. безъ жалованья), я все шелъ вгору—и цѣль моя относительно Васъ приближалась ко мнѣ съ каждымъ полугодіемъ, съ каждымъ мѣсяцемъ. Но когда она сдѣлалась уже почти удободосигаемою, вдругъ все разстроилось. Съ удаленіемъ моего главнаго директора кн. Черкаскаго, я очутился среди завистниковъ и недоброжелательныхъ людей безъ всякой опоры. Меня могли-бы удалить совсѣмъ; но спасло меня мое извѣстное здѣсь трудолюбіе, равное извѣстному въ Черниговѣ безразсудству. Какъ человѣка, способнаго работать за десятерыхъ, меня пощадили; оторвали отъ моего жалованья 562 руб. 50 коп. и оставили только при 6000 руб. состоящимъ при Учредительномъ Комитетѣ, т. е. ничѣмъ. Изъ этого печальнаго разсказа Вы увидите, что теперь менѣе нежели когда либо я имѣю вліяніе на вызовъ чиновниковъ на службу въ Царство Польское. Мнѣ поручаютъ то одно, то другое дѣло; но какъ человѣкъ громко заявившій себя оскорбленнымъ, я не пользуюсь расположеніемъ сильныхъ міра сего и держусь отъ нихъ такъ далеко, какъ будто живу не въ Варшавѣ, а на хуторѣ. Сколько могу судить, я обязанъ тѣмъ, что не вытѣсненъ отсюда, одному Намѣстнику, человѣку очень умному и доброму; но разстояніе между нимъ и мною такъ велико, что я долженъ довольствоваться только его благосклоннымъ вниманіемъ. Прочихъ же лицъ, отъ которыхъ зависятъ мѣста, я не могу ни о комъ просить потому, что моя справедливо возмущенная противъ нихъ гордость поставила меня въ холодныя и далекія къ нимъ отношенія. Если и есть между ними человѣка два, которыхъ можно бы немножко потормозить въ Вашу пользу, то—или нѣтъ у нихъ подходящихъ мѣстъ, или они лишены возможности исполнить мою просьбу. Притомъ же теперь здѣсь не къ риздву йде, а къ велькодню: многія должности вскорѣ упразднятся совсѣмъ, вслѣдствіе оканчивающихся реформъ, и почти всѣ мы помышляемъ о

бовъ пробыль до смерти. За это время его жизнь прошла спокойно и однообразно, не отмѣченная ничѣмъ особенно замѣчательнымъ. Занятія по службѣ, въ лучшіе часы занятія литературой... Популярный и любимый въ Черниговѣ среди своего кружка знакомыхъ, онъ тихо доживалъ свои послѣдніе годы среди тишины маленькаго городка.

II.

Въ дѣтствѣ, еще до поступленія въ гимназію, Глѣбову часто приходилось слышать въ семьѣ Родзянокъ разговоры о литературѣ и писателяхъ, а также присутствовать при чтеніи различныхъ тогдашнихъ новинокъ русской литературы. Да и самъ онъ перечиталъ много книгъ изъ обширной библіотеки Родзянокъ. Благодаря всему этому, онъ съ дѣтства близко стоялъ къ литературѣ и въ дѣтствѣ-же проявились и его писательскія наклонности. Первымъ его произведеніемъ была сатира на какого то мѣстнаго панка,—избранный имъ родъ поэзіи

возвращеніи во свояси. Едва ли и одинъ годъ прослужу еще въ Царствѣ Польскомъ: такъ близко закрытіе Учредительнаго Комитета. Тогда, взявши ноги на плечи, съ облегченнымъ сердцемъ пошкандыбаю въ хуторъ. Положеніе мое здѣсь весьма для меня тягостно, не смотря на то, что я получаю 4500 руб. ординарнаго и 1500 р. экстраординарнаго жалованья. А могъ бы я—при извѣстныхъ комбинаціяхъ — помѣстить Васъ въ Варшавѣ, якъ у Бога за дверыма! Не для фразы говорю Вамъ, что это было постояннымъ моимъ желаніемъ. Любовь и непріязнь къ людямъ такъ неизмѣнна у меня, какъ зрѣніе, слухъ и пр.; а я Васъ любилъ даже и тогда, когда, можетъ быть, Вамъ казалось, что я вовсе Васъ не люблю. Зачѣмъ я такъ долго не писалъ къ Вамъ? И на это есть причины. Къ инымъ пишу, любя ихъ несравненно меньше, а къ Вамъ не отозвался ни разу. Въ одной книгѣ прекрасно сказано, что лучшее изъ богатствъ загробной жизни будетъ состоять въ возможности открыть передъ всѣми все сокровенное, что ни таится въ сердцѣ. Но это, разумѣется, только алгебраическая выкладка, для опредѣленія противоположнаго состоянія нашей души. Довольно, довольно объ этомъ».

уже предвѣщаль будущаго баснописца. Поступивъ въ гимназію и затосковавъ за семьей и родною обстановкою, Глѣбовъ выразилъ свои чувства въ небольшомъ стихотвореніи «Сонъ», которое и не скрылъ отъ товарищей. Послѣдніе же, гордясь тѣмъ, что среди нихъ оказался поэтъ, показали стихотвореніе учителю русскаго языка Мирецъ-Имшенецкому. Учитель похвалилъ стихотвореніе, посоветовалъ назвать его «Малиновкой» и обѣщалъ напечатать его въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ. Въ тоже время онъ далъ автору совѣтъ продолжать писать стихи.

Похвалы учителя и товарищей подѣйствовали на мальчика ободряющимъ образомъ. Когда онъ былъ въ пятomъ классѣ (1845—1846), то у него уже было болѣе сотни различныхъ стихотвореній. Онъ передалъ ихъ рукопись своему квартирному хозяину В. С. Прокофьеву. Послѣдній выбралъ изъ нихъ 50 пьесъ, показавшихся ему лучшими, и въ 1847 году напечаталъ ихъ отдѣльною книжкою.

Стихи не отличались особыми достоинствами и были написаны подъ вліяніемъ поэзіи Пушкина, Жуковскаго и другихъ русскихъ писателей. Но фактъ ихъ появленія въ печати долженъ былъ подѣйствовать ободряюще на молодого поэта.

Врядъ ли радостное сознаніе чувствовать себя «поэтомъ, произведенія котораго печатаются» было сильно омрачено налетѣвшею на него неожиданно грозою со стороны гимназическаго начальства. Гроза эта вызвана была тѣмъ, что печатаніе «Стихотвореній Л. Глѣбова» было произведено безъ вѣдома и дозволенія начальства. Поэтому, когда книга вышла изъ печати, инспекторъ гимназіи Ив. Ив. Боровиковскій сдѣлалъ за такое самовольство строгій выговоръ ученику Глѣбову и даже грозилъ посадить его, поэта, въ карцеръ.

Дальнѣйшихъ послѣдствій эта исторія не имѣла, тѣмъ болѣе, что уже въ 1848 году, т. е. черезъ годъ,

Глѣбовъ совсѣмъ вышелъ изъ гимназіи и очутился на хуторѣ. Тамъ онъ усиленно занялся чтеніемъ.

Еще раньше П. Г. Родзянко подарилъ ему «Кобзарь» Шевченка. Теперь Глѣбовъ прочелъ его. Онъ потомъ до смерти помнилъ, какъ онъ читалъ эту книгу подъ любимымъ яворомъ, и какое впечатлѣніе она на него произвела. Много новыхъ мыслей зародилось въ его головѣ при этомъ чтеніи. Благодаря вліянію «Кобзаря», а также чтенію прекрасныхъ «Прыказокъ» Гребинки и полтавскому знакомству съ Аѳанасьевымъ-Чужбинскимъ, авторомъ сборника малорусскихъ стиховъ «Що було на серци», Глѣбовъ, тогда впервые началъ писать по малорусски, преимущественно басни. Но печатать ихъ онъ началъ позже, съ 1853 года въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ. Редакторомъ неофициальной части ихъ въ то время былъ А. В. Шишацкій-Илличъ, имѣвшій прикосновеніе къ украинской этнографіи и литературѣ. Въ литературныхъ прибавленіяхъ къ «Черниговскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ» онъ печаталъ свои этнографическія записи и стихи *). Въ то время имя

*) Отдѣльно у Шишацкаго-Иллича вышли въ Черниговѣ въ 1857 г. «Сборникъ малорусскихъ пословицъ и поговорокъ», а въ 1856 и 1857 гг. въ двухъ частяхъ его сборникъ стихотвореній: «Украинська квітка». Въ письмахъ къ Шишацкому Глѣбовъ очень хвалитъ его стихотворенія: «Дви квітки, расцвѣтшія въ вашей душѣ, согрѣтой поэтическимъ увлеченіемъ, доставили мнѣ большое удовольствіе. Ваши пѣсни, Ваши думки перенесли меня на своихъ крыльяхъ, якъ того Йвася, на поля родныя. Впечатлѣніе, произведенное въ душѣ моей вашими стихотвореніями,—прежде всего породило мысли, что въ сокровищницѣ поэзіи Вашей затаены такіе перлы, которые скрывать непростительно... Теперь нѣсколько словъ откровенныхъ о моемъ взглядѣ на ваши произведенія. — О первой книжкѣ «Украинской Квитки» было уже говорено въ лѣтописи, которая печаталась въ «Черн. Вѣд.»; рецензію о 2-й книжкѣ я еще не читалъ и потому, получивъ вашъ гостинецъ, я прежде всего взялся за вторую. Изъ думокъ и пѣсенъ мнѣ чрезвычайно понравилась имѣющая заглавіе «До могилъ». Съ удовольствіемъ прочелъ я также пѣсню: «Кажуть люде, я щаслива». Эта пѣсня, кажется, ровесница моей

его было уже немного извѣстно среди малороссовъ, и Глѣбовъ съ удовольствіемъ принялъ его предложеніе помѣщать въ «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» басни. Тамъ онъ по 1861 годъ напечаталъ 34 басни, 9 иныхъ стихотвореній и 2 этнографическія записи. У него въ это время являлась мысль «составлять подобно Далю *Картины* изъ южно-русского быта», пиша ихъ по мало-

«Скажить мени, добри люде»... Особенное наслажденіе доставила мнѣ ваша псалма «Юлыця або Галя простоволоса». Очень хороша семейная картина на стр. 13—14; довольно вѣрно изображена вечерняя жизнь паруботства и дѣвотства на стр. 27—29: невольно подосадуешь... «що я въ танцяхъ кабету (!) не маю». Очень мило воспоминаніе автора, — стр. 32—34. Нельзя не сочувствовать семейной катастрофѣ, — стр. 58—60. Но выше всѣхъ красоть поэмы — это описаніе ночи и рокового свиданія Василя съ Галей, — стр. 41—42. Какъ хорошъ этотъ моментъ ночи:

«Ще разъ сходять мисяць ясний,
Степы задрималы,
Задумалысь ти могилы,
Що въ поли стоялы;
Дви тополи пры дорози
Лыстомъ шамотилы,
Та дви пташки середъ неба
Стыха пролетили!...

Недостатокъ времени и мѣста не позволяетъ мнѣ разговориться такъ, какъ бы слѣдовало, и потому я указалъ Вамъ только на нѣкоторыя мѣста псалмы, которая и въ цѣломъ составѣ очень хороша. — Какъ на лучшаго цѣнителя вашихъ литературныхъ трудовъ и произведеній, я укажу на представителя или, лучше сказать, шефа писателей Южной-Руси — Кулиша. Обратите вниманіе на статью его въ Русскомъ Вѣстникѣ 1857 (томъ 19, 2-я декабрьская книжка, VII рубр. «Современная Лѣтопись»). Въ этой статьѣ говорится и о Васѣ и о пишущемъ эти строки...» (Письмо отъ 1 февраля 1858 г.). И дальше (въ письмѣ отъ 29 марта того же года): «Вы нашли въ моемъ взглядѣ на Галю нѣсколько пристрастія, подъ вліяніемъ котораго я написалъ Вамъ много сладкихъ вещей... Да проститъ вамъ Богъ за такое подозрѣніе! Ваша Галя, повторяю, очень хороша и

русски; но онъ не привелъ въ исполненіе этой мысли *).

Въ 1861 году въ Петербургѣ, подъ редакціей Бѣлозерскаго и (неофициально) Кулиша, началъ выходить журналъ *Основа*, вокругъ котораго сгруппировались тогдашніе малорусскіе писатели, въ числѣ которыхъ былъ и Глѣбовъ. Здѣсь онъ отчасти повторилъ нѣкоторыя изъ прежде напечатанныхъ своихъ стихотвореній, отчасти напечаталъ новыя.

Еще въ концѣ 1857 года А. В. Шишацкій-Илличъ предложилъ Глѣбову издать его басни отдѣльной книжкой. Глѣбовъ, однако, отклонилъ это предложеніе, такъ какъ петербургскіе его земляки г.г. А. М. Лазаревскій и Г. А. Милорадовичъ (нынѣ графъ Г. А. Милорадовичъ)

хороша потому, что натуральна. Пожалуй, если мы станемъ разбирать ея достоинства аналитически, то, можетъ быть, найдутся и недостатки, которые въ сравненіи съ красотою — нуль».

Шишацкому, однако, не понравилась статья Кулиша, что видно изъ письма Глѣбова къ нему: «Статья Кулѣша въ Русск. Вѣстн. написанная по поводу изданія о п о в и д а н і й М. Вовчка, порядочно разсердила Васъ. Мнѣніе Кулѣша обо мнѣ, можетъ быть, справедливо: не могу сказать, чтобъ я былъ большой филологъ и потому иногда выражаюсь не по народному. За то выраженіемъ, сказаннымъ Кулѣшомъ въ началѣ рѣчи обо мнѣ, неначе по губамъ помазано. Помните:... «выше всѣхъ исчисленныхъ мною писателей» и т. д.—Вы полагаете, что М. Вовчокъ тотъ же Кулишъ... Едва-ли. Если въ книжкѣ и видно вліяніе Кулиша, то это очень естественно: онъ издатель и редакторъ. А мнѣ кажется, что авторъ оповиданій—женщина и чуть-ли не изъ фамиліи Марковичей. Не правда ли, что рассказы не дурны? Я съ удовольствіемъ читалъ. Мнѣ очень нравится языкъ. Вотъ ужъ здѣсь нѣтъ вавилонскаго смѣшенія» (Письмо отъ 17 мая 1858 г.).

*) Письмо къ Шишацкому-Илличу (отъ 17 мая 1858). «Но не знаю: рассказы Вовчка почти то-же» — замѣчаетъ тамъ-же Глѣбовъ по вводу своего плана.

уже предложили ему издать ихъ въ Петербургѣ *). Однако это изданіе почему то не состоялось, и первое изданіе басенъ Глѣбова вышло лишь въ 1863 г. въ Кіевѣ подъ заглавіемъ: «Для народнаго чтанія. II. Байки Леонида Глибова. Выдавъ Ол. Стояновъ». Оно заключало въ себѣ лишь 36 басенъ **).

Эта книжка являлась лучшимъ, послѣ «Прыказокъ» Е. Гребинки, изъ всего, что было написано въ этомъ родѣ въ малорусской литературѣ. Публикой она была принята съ сочувствіемъ, и имя автора получило нѣкоторую извѣстность.

Къ этому же времени (1862) относится и театраль-

*) 1 января 1858 г. Глѣбовъ писалъ изъ Чернаго Острова А. В. Шишацкому: «На предложеніе ваше—издать мои Байки отдѣльною книжкою,—я, къ сожалѣнію, никакъ не могу и не смѣю теперь согласиться по слѣдующей причинѣ. На такъ давно, въ ноябрѣ, я получилъ письмо съ такимъ же предложеніемъ, какъ и ваше,—изъ С.-Петербурга отъ гг. Лазаревского и Григ. Милорадовича. Нашедши удобными для себя предложенныя ими условія, я тогда же послалъ имъ свое согласіе на право изданія моихъ переводовъ, приложивъ и нѣсколько басенъ новыхъ».

**) Относительно этого изданія находимъ интересныя сообщенія въ «Воспоминаніяхъ Н. Д. Богатинова», напечатанныхъ въ №№ 9 и 10 «Русскаго Архива за 1899 Г. Богатиновъ сообщаетъ, что что «для училищъ печатали (въ 1863 г.) на казенный счетъ «Байки». Попечитель учебнаго Кіевского округа (Ширинскій-Шихматовъ) отдалъ приказаніе Богатинову, какъ завѣдывающему книжнымъ складомъ народныхъ училищъ, гдѣ хранилось еще до пятисотъ экземпляровъ «Басенъ Глѣбова», «до единого экземпляра этихъ басенъ сжечь какъ вредное изданіе, которое не должно имѣть мѣста въ народномъ училищѣ, что и было исполнено мною. Только ради смѣха, я оставилъ на память себѣ одну эту, истинно смѣхотворную книженку, читая которую на исковерканномъ (!) малорусскомъ языкѣ нельзя не смѣяться...» (Кіевская Страница 1900 г., № II, Библиографія, стр. 109).

ная пьеска «До мирового» *), водевиль въ одномъ дѣйствіи, написанная на заимствованный сюжетъ (изъ пьесы кн. Шаховскаго «Сосѣди»), но оставшаяся ненапечатанною до 1891 года.

Съ іюля 1861 года Глѣбовъ самъ началъ издавать въ Черниговѣ еженедѣльную газету «Черниговскій Листокъ» на русскомъ и малорусскомъ языкахъ **).

*) Противъ даты 1862 г. говорить то, что тогда еще не было мировыхъ судей. Но такъ какъ мировой судья собственно въ дѣйствіи не участвуетъ, то Глѣбовъ очень легко могъ вставить мировой судъ вмѣсто просто судъ уже впослѣдствіи.

**) По малорусски тамъ напечатано немного. За все время изданія «Черниговскаго Листка» въ немъ были помѣщены слѣдующія малорусскія произведенія:

1861.

- № 1. Кузьменко П. «Ой выйду я, выйду, погляну на воду». Стих.
3. Овечка Семень. Не пытай! Стих.
4. Бовкунъ Харло. «Мы зустрілися зъ тобою». Стих.
5. » » Одынъ я хожу понадъ водою.
6. Овечка Семень. Петро Спыця. Разсказъ.
Конисскій А. До вбогои. Стих.
7. Овечка Семень. Петро Спыця. Разсказъ оконч.
Верныгора М. «Закувала зузуленька». Стих.
10. Сирыкъ Ив. Голосъ украинця. Стих.
11. Кулишъ П. Остання писня. Стих.

1862.

- № 1. Кирьяковъ Ѳ. Не шо-дня брехня, де-колы й правда. Разск.
2. Номисъ М. Де шо про украинське пысання и про слово-сбиръ Шейковського.
3. Тоже. Окончаніе.
4. Кирьяковъ Ѳ. Чернеча пустка. Разсказъ.
Билокопытый М. «Ось выйды послухай». Стих.
5. Кирьяковъ Ѳ. Чернеча пустка. Разсказъ. Окончаніе.

Нелегкое это было дѣло — издавать газету въ маленькомъ провинціальномъ городѣ. На мѣстѣ почти невозможно было имѣть сотрудниковъ и помощниковъ. Редактору приходилось быть и редакторомъ, и самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ, и корректоромъ. Вѣроятно

Сирыкъ И. Туга. Стихотвор.

6. Конисскій А. Безталанна. Стих.

10. Кулишъ П. Початокъ нової поэмы. Заспивъ. Писня перва.

12. Переходовець Ол. Корреспонденція изъ Полтавы.

13. Кирьяковъ Ѳ. Бузовы могилы. Разсказъ.

19. Реляція Дем'яна Щербыны осаула пана кошового Кости Гордіенка. Вывизъ изъ за Дунаю Панько Казюка.

71. Номись М. Замитки про збирисловъ К. Шейковського.

72. Тоже. Продолженіе.

Переходовець О. Рецензія на книгу Д. Мороза «Арыхметыка».

23. Номись М. Замитки про збирисловъ К. Шейковського. Пр.

25. Тоже. Продолженіе.

27. Кулишъ П. Сонетъ.

28. Переходовець О. Корреспонденція изъ Полтавы.

29. Номись М. Замитки про збирисловъ К. Шейковського. Продолженіе.

31. Тоже. Продолженіе.

32. Конисскій А. Купованый батько. Зъ нар. устѣ. Разск.

33—34. Переходовець О. Корреспонденція изъ Полтавы.

Казкапроцаренка Йванаи чортову дочку. Записаль М. Номись.

35—36. Удаевъ. Изъ путевыхъ замѣтокъ станового пристава. Здѣсь есть разсказъ лѣсника о своемъ хозяинѣ на малорусск. языкѣ.

Сирыкъ Ив. Козачый жалъ. Стих.

Номись М. Замитки про збирисловъ К. Шейковського. Окончаніе.

1863.

№ 1. Кулишъ П. Дивоче сердце. Идилія.

Глѣбовъ Л. Мышача рада. Байка.

2. Т-й А. (Тишинскій). Зъ надснивѣянського села. Корреспон.

Кулишъ П. Дивоче сердце. Продолж.

вслѣдствіе этого газета выходила не въ полномъ числѣ номеровъ: въ 1861 г. съ 14 іюля до конца года вышло только 11 номеровъ; въ 1862 г. первый номеръ вышелъ 8-го апрѣля, а всего вышло въ этомъ году 36 нум. вмѣсто 52-хъ; въ 1863 г. первый номеръ вышелъ только 7-го мая, а всѣхъ номеровъ, кончая 6-мъ августа, когда газета прекратилась, вышло 14.

Сотрудники по большей части были иногородніе. Изъ именъ, встрѣчавшихся въ «Черниговскомъ Листкѣ», кромѣ самого Глѣбова, слѣдуетъ назвать П. А. Кулиша, П. Кузьменка, А. Конисскаго, М. Номиса (М. Т. Симоннова), А. В. Марковича, А. А. Тищинскаго, А. М. Лазаревскаго, П. С. Ефименка *).

3. Кулишъ П. Дума про Саву Кононенка. Стих.

Кулишъ П. Дивоче сердце. Продолж.

4. Тоже. Окончаніе.

5. Глѣбовъ Л. Панъ на всю губу. Байка.

6. Программы спектакля «Наталка Полтавка» и живыхъ картинъ въ г. Черниговѣ.

Кирияковъ Ѳ. Щире кохання. Разсказъ.

8. Тоже. Окончаніе.

10. Опанасъ (А. В. Марковичъ?). Корреспонден. изъ Новгорода.

М-чъ А. В. (А. В. Марковичъ). Двичирточкы зъ нашихъ русалокъ.

Номисъ М. Рецензія на драму Стеценка «Доля» и извѣстіе о выходѣ въ свѣтъ книги С. Опатовича «Оповидання зъ святого писання». Вып. I.

14. Три народныя пѣсни въ корреспонденціи изъ Новгорода.

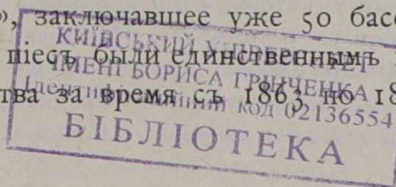
*) Самъ Глѣбовъ писалъ въ газетѣ подъ собственнымъ именемъ и подъ различными псевдонимами, одинъ изъ которыхъ Кен и ръ сдѣлался въ послѣдствіи очень извѣстенъ въ Галиціи. Происхождение его таково. Отецъ Глѣбова купилъ себѣ канарейку, по малорусски «Кеныра». Канарейка такъ понравилась своимъ пѣніемъ сосѣдямъ, что они приходили ее слушать и прозвали старика Глѣбова «Кеныромъ». Потомъ это прозваніе перешло къ Леониду Ивановичу и употреблялось имъ какъ псевдонимъ.

54609

По направленію своему «Черниговскій Листокъ» примыкалъ къ лучшимъ петербургскимъ и московскимъ изданіямъ того времени, сочувствовавшимъ реформамъ 60-хъ годовъ. Въ литературномъ отношеніи газета была гораздо блѣднѣе столичныхъ изданій, но за то носила такія мѣстныя черты, которыя дѣлали ее, въ извѣстномъ отношеніи, болѣе интересной для южнорусской публики чѣмъ большія газеты и журналы Москвы и Петербурга. Не смотря на это, газета все же не имѣла большого круга подписчиковъ. Это обстоятельство побуждало редактора-издателя изыскивать способы для ея распространенія. Между прочимъ онъ обращался къ тогдашнему черниговскому архиерею Филарету съ просьбой сдѣлать распоряженіе о выпискѣ «Черниговскаго Листка» для церквей, получающихъ Епархіальныя Вѣдомости. Преосвященный Филаретъ отнесся сочувственно къ просьбѣ Глѣбова и изъявилъ свое согласіе на его предложеніе. Однако Глѣбову, кажется, не пришлось воспользоваться имъ, такъ какъ вскорѣ «Черниговскій Листокъ» былъ пріостановленъ, а его редакторъ очутился не у дѣлъ въ Нѣжинѣ въ очень стѣсненномъ, какъ мы видѣли, положеніи.

Эта перемѣна въ судьбѣ, въ связи съ послѣдующими несчастіями, подѣйствовала угнетающимъ образомъ на творчество Глѣбова. Въ теченіе около двухъ лѣтъ жизни въ Нѣжинѣ онъ почти ничего не писалъ, если не считать сохранившихся въ его бумагахъ двухъ-трехъ слабыхъ стихотвореній по русски. Въ послѣдующіе годы онъ пробовалъ писать въ «Занозѣ», «Осѣ» и нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ, но его русскія произведенія съ трудомъ находили себѣ издателя, такъ какъ не отличались ни оригинальностью идей, ни яркостью исполненія.

Въ 1872 году вышло въ Черниговѣ новое (второе) изданіе его «Байокъ», заключавшее уже 50 басенъ. Эти четырнадцать новыхъ піесъ были единственнымъ цѣннымъ плодомъ его творчества за время съ 1865 по 1872 г.

Впрочемъ еще одно литературное предпріятіе почему то заняло около 1865 года жившаго въ Нѣжинѣ Глѣбова: составленіе для народа малорусскаго оракула подъ заглавіемъ «Ворожка». Была объявлена даже подписка на него и выдавались въ полученіи денегъ печатные билеты. Изданіе, однако, не состоялось, о чемъ врядъ ли приходится жалѣть *).

*) Самъ Глѣбовъ, какъ видно изъ объявленія о «Ворожкѣ» смотрѣлъ на эту книгу, какъ на «невинно-пріятное развлеченіе въ часы досуга», но съ такимъ взглядомъ врядъ ли можно согласиться. Кто жилъ въ деревнѣ, тотъ знаетъ, что тамъ «бабы-ворожки» и «диды-ворожбыты» и до сихъ поръ пользуются довѣріемъ очень и очень многихъ. И теперь еще бываютъ случаи, когда люди за два-три десятка верстъ ѣдутъ къ какой нибудь знаменитой «ворожкѣ», отвозя ей иногда послѣднія деньги. Обладателю «Оракула» многіе завидуютъ и ходятъ къ нему гадать въ случаяхъ пропажи чего либо, долгаго отсутствія кого либо изъ семьи и т. п. При одномъ удачномъ отвѣтѣ «ворожки» или оракула забываются десятки неудачныхъ, и вѣра въ гаданье продолжаетъ процвѣтать. Если мы признаемъ существованіе такой вѣры нежелательнымъ, то нежелательнымъ является и распространеніе книгъ, могущихъ поддержать эту вѣру. Поэтому и нельзя согласиться, что «Ворожка», составленная Л. И. Глѣбовымъ, была бы полезною или даже безвредною книгою. Но, какъ видно изъ писемъ сохранившихся въ бумагахъ Глѣбова, вопросъ о «Ворожкѣ» интересовалъ тогда не одного только составителя ея. Это указываетъ на ошибочность взглядовъ нѣкоторой группы лицъ на народное просвѣщеніе. Ради характеристики этихъ взглядовъ приводимъ здѣсь матеріалъ, касающійся предмета.

Своихъ средствъ для изданія «Ворожки» Глѣбовъ не имѣлъ, но нашелся человекъ, В. А. Косовцевъ, которому мысль Глѣбова очень понравилась, и онъ согласился дать взаймы деньги на изданіе. Но между авторомъ и издателемъ возникли спорные пункты. Они заключались въ томъ, что авторъ и издатель никакъ не могли сговориться относительно отвѣтовъ «Ворожки». (Книжка должна была состоять изъ отвѣтовъ, расположенныхъ подъ номерами — вродѣ такъ называемаго «Соломона». Косовцевъ не удовлетворялся простыми отвѣтами Глѣбова. По его мнѣнію «речи бабуси должны быть типичны необыкновенно... Иронія, юморъ, наивность, образность..... вся суть изъ сборника Номиса должна быть занесена въ

Пробовалъ еще Глѣбовъ себя и на почвѣ драматической литературы. Какъ сказано выше, онъ написалъ водевилъ «До мырового». Кромѣ того, въ его бумагахъ нашлись два русскихъ водевиля *), но все это не было

«Ворожку». Если нѣтъ пословицы готовой, брать пѣсню, такъ какъ Вы сдѣлали съ нѣкоторыми отвѣтами. Тогда щегольнемъ «Ворожкой» такъ, что ее на расхватъ разберутъ». И онъ предлагалъ Глѣбову свою помощь въ составленіи отвѣтовъ. «Я не хлопочу о томъ, поставите ли Вы мое имя въ предисловіи или нѣтъ, — для меня все равно. Но я хочу, чтобы «Ворожка» выдержала самый строгій взглядъ знатока и заслужила вниманіе и сочувствіе людей, любящихъ родную рѣчь». Дальше Косовцевъ пишетъ: «Да я, сказать Вамъ правду, и понять Васъ не могу: то Вы рады моей помощи, то вновь хлопочете объ авторской самостоятельности. Я было началъ пересыпать «Ворожку» пословицами, малорусскими идиотизмами, пѣснями; но теперь не смѣю послѣ Вашихъ словъ. Отчего мы расходимся? Вы говорите: Ворожка—это простая умная бабуса съ теплою душою; а я говорю: Ворожка—это народная мова со всѣми своими типичными приѣмами, остроуміемъ, поэзіею, богатствомъ образовъ, выработанныхъ народной жизнью,—подчасъ звучащихъ болью сердца, ироніею рѣдкою,—какъ простая бабуса не найдется сразу... я нисколько не имѣю претензіи выставить себя способнѣе Васъ,—я не знатокъ, а языкомъ народнымъ занимаюсь всего около трехъ лѣтъ, но болѣе Васъ имѣю досугу».

Въ концѣ концовъ они таки пришли къ соглашенію, но изданіе «Ворожки» не состоялось: она осталась неоконченною.

Въ 1881 г. вопросъ о ней былъ снова поднятъ. П. С. Ефименко писалъ Глѣбову, сообщая ему, что Залюбовскій изъ Екатеринослава говоритъ, что у грамотнаго народа большая потребность въ гадальникѣ, и хорошо было бы составить таковой. Вспомнивъ, что Глѣбовъ уже составлялъ гадальникъ, г. Ефименко просилъ его докончить работу и отправить ее въ цензуру, предлагая добыть средства для изданія, если ихъ нѣтъ у Глѣбова. Но и на этотъ разъ изданіе «Ворожки» не состоялось.

Однако попытка напечатать малорусскій оракулъ была сдѣлана въ 1888 году еще разъ, но уже не Глѣбовымъ, а инымъ лицомъ. Попытка окончилась неудачно. (См. львовскій журналъ «Зоря» 1889 года, № 4, стр. 65).

*) 1. «Типическія сцены съ живыми картинами». Оригинальный эпизодъ изъ уѣздной жизни въ 5 отдѣл. и 5 карт. 1867.

2. «Веселые люди или кровь не вода». Оригинальный водевилъ въ одномъ дѣйствіи. Въ передѣлкѣ онъ названъ «Хуторяноч-

напечатано, да врядъ-ли и стоило печати, за исключеніемъ «До мирового».

Послѣ 1872 г. наступаетъ еще болѣе бесплодный періодъ. Литературная дѣятельность Глѣбова въ это время проявляется лишь въ томъ, что онъ, очевидно для усиленія своихъ денежныхъ средствъ, пишетъ корреспонденціи въ газеты. Кромѣ того, онъ издалъ нѣсколько крошечнаго формата книжечекъ, состоящихъ каждая изъ нѣсколькихъ листочковъ и заключающихъ въ себѣ юмористическія стихотворенія по русски—по поводу мѣстныхъ черниговскихъ происшествій; эти книжки могли быть интересны лишь извѣстной части Черниговцевъ. (Очевидно и самъ авторъ смотрѣлъ на нихъ какъ на шутку). Но въ той сферѣ, въ которой Глѣбовъ былъ наибольшимъ мастеромъ, въ сферѣ басенъ, онъ не далъ за это время ничего, и новое изданіе его «Байокъ», вышедшее въ Кіевѣ въ 1882 году, не принесло ни одной новой вещи. Это молчаніе талантливаго поэта, въ значительной мѣрѣ объясняющееся отсутствіемъ періодическаго органа, въ которомъ онъ могъ-бы помѣщать свои «байки» и малорусскія стихотворенія *),

ка. Очень обыкновенный случай изъ украинской жизни». Орывокъ изъ этого водевиля подъ заглавіемъ «Проѣзжіе» былъ напечатанъ въ «Черниговскомъ листкѣ» (1862, № 3).

Въ бумагахъ покойнаго А. А. Тишинскаго есть указаніе на то, что пьесы эти были дозволены цензурою къ представленію и игрались на Черниговской и другихъ провинціальныхъ сценахъ.

*) Правда, въ 1866 г. Ф. В. Волховскій предлагалъ Глѣбову принять участіе въ альманахѣ, который онъ предполагалъ издавать; затѣмъ въ 1868 г. просили его сотрудничества въ дѣтской хрестоматіи «Забавка» и въ альманахѣ «Скрыня», но всѣ эти предполагаемыя изданія не появились и потому неизвѣстно, давалъ-ли Глѣбовъ для нихъ свои сочиненія. Затѣмъ г. Старицкій просилъ Глѣбова прислать что нибудь для его альманаха «Рада», но и въ послѣднемъ нѣтъ ничего, принадлежащаго Глѣбову.

продолжалось вплоть до 1890 года, когда Глѣбовъ началъ писать для галицкихъ журналовъ.

Въ 1890 г. въ Галиціи началъ издаваться журналъ для дѣтей *Дзвінокъ*, и Глѣбовъ сразу дѣлается его дѣятельнымъ сотрудникомъ. Онъ печатаетъ тамъ свои новыя басни, лирическія стихотворенія, а также подъ, псевдонимомъ *Дидуся Кеныра*, изящныя загадки въ стихахъ, которыя особенно нравились маленькимъ галичанамъ. Кромѣ *Дзвінка*, его лирическія стихотворенія и басни печатаются до самой его смерти еще! въ двухъ галицкихъ малорусскихъ журналахъ: «Зоря» и «Илюстрована бібліотека для молодежи».

Имя Глѣбова извѣстно было въ Галиціи и раньше уже по одному тому, что его басни, вмѣстѣ съ произведеніями иныхъ малорусскихъ писателей, давно вошли въ составъ различныхъ хрестоматій, употребляющихся въ галицкихъ народныхъ школахъ и гимназіяхъ. Но послѣднія его произведенія, печатавшіяся въ Галиціи, доставили ему тамъ такую популярность, что когда въ 1891 году праздновался въ Черниговѣ пятидесятилѣтній юбилей литературной дѣятельности поэта, то галичане выразили большое вниманіе къ юбиляру. Галицкіе журналы и газеты напечатали о немъ сочувственныя статьи и біографическія свѣдѣнія*), иллюстрированныя—(*Дзвінокъ*, *Зоря*) помѣстили и его портретъ**). *Дзвінокъ* посвятилъ юбиляру весь 4-й номеръ. На помѣщенномъ тамъ рисункѣ черниговскаго художника И. Г. Рашевскаго находится портретъ Глѣбова въ вѣнкѣ изъ дубовыхъ и лавровыхъ листьевъ, окруженный дѣйствующими лицами изъ его «байокъ»—звѣрями, одѣтыми въ малорусскіе костюмы. Внизу рисунка слѣдующій «Привить Леоньдови Глибову».

*) *Дзвінокъ* № 4, *Зоря* №№ 4 и 7, *Правда*, мартъ вып. III, *Дило* № 63, *Народна часопись* № 67 и друг.

**) Портретъ Глѣбова былъ еще раньше помѣщенъ въ № 12 *Дзвінка* за 1890 г.

«Гарная муза Тебе, Леониде,
Лить п'ятдесятъ вже кохає.
Йидкого усмиху, згирдного слова,
Блеску фальшывого й крапли не знає.
Опроминена любовью сердечною
Вильна та ясна душа твоя й мова».

Затѣмъ слѣдуетъ коротенькая біографія юбиляра, написанная А. А. Тишинскимъ.

Но безъ сомнѣнія самую пріятною вещью для поэта-юбиляра было помѣщенное въ юбилейномъ номерѣ *Дзвинка* стихотвореніе отъ имени галицкихъ дѣтей, озаглавленное: *Дидусеви Кенырови въ 50 литню ричницю йою праці литературнои щедрованне дитей*. Дѣти поздравляютъ юбиляра съ его праздникомъ, благодарятъ за написанныя для нихъ прекрасныя стихотворенія, байки и загадки, за то, что:

«Вже пивсотни литъ
Винъ вчыть дитей
Любыть людей,
По правди жыты до загину,
Любыты ридную Украину
Едыну на ввесь свить».

Въ Черниговѣ празднованіе юбилея происходило 29 сентября 1891 г. Въ помѣщеніи клуба почитателями поэта былъ устроенъ обѣдъ, на который приглашенъ былъ юбиляръ, встрѣченный при входѣ торжественными звуками марша. Привѣтственное слово отъ лица всѣхъ присутствующихъ сказалъ А. И. Ханенко и поднесъ юбиляру подарки отъ черниговцевъ и изъ иныхъ городовъ. Леонидъ Ивановичъ отвѣтилъ на привѣтствіе стихами. Во время обѣда прочтены были привѣтственные адреса и телеграммы изъ Львова, Кіева, Одессы, Херсона, Харькова и Петербурга. Сказано было много рѣчей и тостовъ, на которые отвѣчалъ стихами тронутый юбиляръ.

Этотъ день, день въ который чествовали его, какъ проповѣдника взглядовъ выраженныхъ имъ въ его луч-

шихъ литературныхъ произведеніяхъ, долженъ былъ явиться для Глѣбова нравственнымъ возмездіемъ за тѣ тяжелыя времена несчастій и горя, которыя ему пришлось пережить раньше.

Но недолго прожилъ Глѣбовъ послѣ своего юбилея. Здоровье его приходило въ упадокъ, зрѣніе все ослабѣвало и дошло до того, что онъ могъ видѣть только однимъ глазомъ и то съ помощью лупы. Онъ уже не могъ завѣдывать дѣлами типографіи, — за него, подъ его руководствомъ, работалъ его сынъ.

Тихо погасала жизнь старика поэта *). Онъ уже съ годъ или даже болѣе не домогалъ и хотя не выходилъ изъ дому, но и въ постели не лежалъ; по большей части онъ сидѣлъ на диванѣ, а иногда прохаживался по комнатѣ. Временами онъ сильно кашлялъ; но съ докторами совѣтоваться не хотѣлъ, а лѣчилъ себя самъ и изрѣдка только совѣтовался со своимъ старымъ пріятелемъ докторомъ И. Н. Лагодою. Болѣзнь его протекала спокойно, и окружающимъ казалось, что онъ боленъ не смертельно и можетъ еще долго прожить. Только въ концѣ сентября, послѣ врачебнаго осмотра, выяснилось опасное состояніе его здоровья; оказалось, что онъ боленъ астмою, что и сердце, и легкія, и печень у него слабы и что, кромѣ всего этого, у него брайтова болѣзнь.

Еще 24-го октября онъ сидѣлъ въ постели и даже продиктовалъ А. А. Тишинскому новую басню «Огонь и гай» (въ послѣдніе годы жизни онъ, за слѣпотою, самъ не писалъ, а обыкновенно диктовалъ свои басни сыну или пріятелямъ). Но уже 26-го ему стало хуже, а 28-го совсѣмъ плохо.

Сознанія и памяти онъ не утратилъ почти до послѣдней минуты и въ послѣдній день своей жизни уз-

*) Свѣдѣнія о послѣднемъ времени жизни и о смерти его заимствую изъ статьи А. А. Тишинскаго (Дзвінокъ 1894, № 1).

навалъ окружающихъ и изрѣдка разговаривалъ, хотя уже очень плохо себя чувствовалъ.

Уже два дня онъ не принималъ пищи, такъ какъ не могъ глотать, и для поддержанія силъ ему давали вино съ водою. Одинъ разъ попросилъ чистой воды, а ему дали молока, чтобы узнать, сохранился-ли у него вкусъ,—но онъ не захотѣлъ его пить и сказалъ съ укоромъ: «На що жъ дурыты?» Зная, что смерть близка, онъ часто просилъ провѣрить пульсъ и радовался, если пульсъ подымался, а отъ консилиума врачей отказался, говоря: «Не треба, ничего вони не допоможуть». Да и видно было, что уже никто и ничто ему не поможетъ, такъ замѣтно для глаза онъ догоралъ.

29 октябрю его не стало.

31-го октября происходили похороны. День былъ ясный и теплый... Почти весь Черниговъ собрался проводить останки всѣмъ черниговцамъ извѣстнаго и любимаго Леонида Ивановича. Происходившее въ то время уѣздное земское собраніе, почтивъ память поэта вставаніемъ, постановило не собираться въ день его похоронъ и возложить на его гробъ вѣнокъ.

Кромѣ этого вѣнка передъ гробомъ несли еще вѣнки: отъ губернской земской управы, отъ земской типографіи, отъ городской управы и городского банка, отъ купцовъ, «Славетному байкарю-поэтові видъ прыхильныкивъ» и отъ кіевлянъ «Ветерану украинського письменства». Гробъ сослуживцы и друзья покойнаго несли на рукахъ до могилы въ оградѣ Троицкаго монастыря (версты за двѣ или больше отъ города). Женщины несли крышку гроба и вѣнки.

Въ 1899 году надъ могилою Л. И. Глѣбова поставленъ надгробный памятникъ изъ бѣлаго мрамора какъ дань уваженія къ нему земляковъ. Съ одной стороны памятника помѣщенъ портретъ покойнаго, исполненный на фарфорѣ и подъ нимъ надпись: «Леонид Глѣбов,

поет байкарь. Народився 19 лютого 1827. Умер 29 жовтня 1893». Съ другой стороны вирізана золотая лира и подъ ней два куплета изъ стихотворенія г. Самійленка, сказаннаго надъ гробомъ покойнаго.

Ласкавымъ голосомъ писень ты намъ дававъ

У наше чесне дило виру,

И гоминь радости й надїи провожавъ

Твою, теперъ розбыту, лиру.

И отъ замовкѣ твій гласъ: погасъ огонь ясный,

Що въ темному свитивъ околи;

Але не вмере поетъ у пам'яті людській:

Згадаємъ мы тебе въ недоленци лыхій

И въ кращій часъ нової доли!...

М. Заишня.

III.

Лучшая театральная пьеска Глѣбова «До мирового» написана живо и не безъ юмора, но не представляетъ изъ себя ничего выдающагося. Главное значеніе Глѣбова въ его басняхъ и нѣкоторыхъ лирическихъ стихотвореніяхъ.

Всѣхъ басенъ Глѣбовъ написалъ 107. За небольшими исключеніями, сюжеты ихъ взяты у Крылова или Дмитріева (въ «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» при каждой баснѣ обозначено, изъ какого автора она заимствована). Но это врядъ-ли имѣетъ большое значеніе при оцѣнкѣ творчества баснописца. Въ этой области творчества болѣе чѣмъ въ какой либо иной сюжеты являются общимъ достояніемъ, переходящимъ изъ рукъ въ руки.

Греческія басни Эзопа или непосредственно, или при посредствѣ латинской передѣлки Федра и другихъ безчисленныхъ переводовъ и передѣлокъ въ теченіе болѣе двухъ тысячъ лѣтъ распространили свои сюжеты по Азіи и Европѣ. Каждый изъ баснописцевъ, пользуясь

уже готовыми сюжетами, прибавлялъ нѣкоторые свои, и такимъ образомъ составилъ тотъ запасъ басенныхъ сюжетовъ, которымъ мы располагаемъ въ настоящее время. Подобнымъ образомъ поступали и новые извѣстные баснописцы (Лафонтенъ, Геллертъ, Лессингъ, Крыловъ, Гребинка и др.).

Значеніе, центръ тяжести басни совсѣмъ не въ сюжетѣ, а въ той національной обработкѣ, въ томъ мѣстномъ колоритѣ, который придается баснѣ ея авторомъ при пересадкѣ общечеловѣческаго, бродячаго сюжета на свою родную почву. И талантъ баснописца тѣмъ выше, чѣмъ удачнѣе можетъ онъ дѣлать эту пересадку, чѣмъ національнѣе, народнѣе его произведенія, чѣмъ болѣе они, при не мѣстномъ сюжетѣ, своими образами, картинами, духомъ составляютъ оригинальные мѣстные продукты творчества, сильно затрагивающіе умъ и чувство народа, представителемъ котораго является создавшій ихъ поэтъ.

Мѣстная природа, національные характеры и чувства и, пожалуй, нѣкоторая, національная склонность къ предпочтенію извѣстныхъ идей, а затѣмъ какъ можно болѣе народная форма—въ *этомъ* значеніе басни; сюжетъ-же здѣсь вещь даже не второстепенная.

Съ этой точки зрѣнія *народности басенъ* слѣдуетъ смотрѣть на басни вообще и на басни Глѣбова въ частности.

Первые шаги Глѣбова въ этомъ направленіи показываютъ, что нашъ баснописецъ находится еще подъ сильнымъ вліяніемъ своихъ образцовъ. Перечитывая въ «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» самыя раннія басни его, замѣчаешь, что онъ часто просто переводитъ Крылова слово за словомъ. Вотъ, напр., басня «Лебедь шука и ракъ»:

Якъ у товаришивъ ладу немає,
То й дило ихъ ладу не знае.
Колысь то лебидь, ракъ та шука
Прыставыть хуру узялысь.

Отъ, трое разомъ запряглись,
Колы смыкнулы,—катъ ма ходу!...
... Лебидь преться пидлетить,
Ракъ запынається, а щука тягне въ воду.
Хто выненъ изъ ныхъ трьохъ,
Хто ни,—судить не намъ,
Та тильки хура й доси тамъ *).

Нѣтъ надобности приводить здѣсь текстъ всѣмъ извѣстной Крыловской басни для того, что бы убѣдиться, что переводчикъ сохранилъ здѣсь даже рифмы оригинала: (узялысь — запряглись, ходу — воду, судить не намъ—и доси тамъ).

Вотъ отрывки изъ басни «Вовкъ и китъ»:

«Котусю—братику! Скажите мени скоріше,
Хто изъ хазяинивъ оттутъ усихъ добрише?»

— Просы мерщій Степана!—

«Такъ я у його вкравъ барана».

— Бижи жъ,—ажъ-генъ живе Трохымъ!—

»Трохымъ? Боюсь зійтыся зъ нымъ!»

— Погано жъ!... Ну... а чы не прйме Клымъ?—и
т. д. *).

У Крылова то-же мѣсто:

«Васенька, мой другъ! Скажи скорѣе,

Кто здѣсь изъ мужичковъ добрѣе!»

— Проси скорѣй Степана!

«То такъ, да у него я ободралъ барана.»

— Бѣги жъ, вонъ тамъ живетъ Трофимъ.

«Къ Трофиму? Нѣтъ, боюсь и встрѣтиться я съ нимъ.»

— Ну, плохо-жъ! Но авось тебя укроетъ Климъ!—

Здѣсь переводъ настолько близокъ, что является почти подстановкой слова подъ слово; во избѣжаніе нахожденія новыхъ рифмъ не только сохранены имена

*) Черниговскія Губернскія Вѣдомости 1853, № 8, стр. 56.

**) Тамъ-же, № 8, стр. 55.

оригинала, но даже одно слово употреблено съ русскимъ удареніемъ: *барана* вм. *баранѣ*.

Вмѣсто замѣны употребляемыхъ Крыловымъ великорусскихъ пословицъ соотвѣтствующими малорусскими, Глѣбовъ иногда переписываетъ ихъ слово за словомъ. У Крылова:

— Самъ себя вини:

Что ты посѣялъ, то и жни.

У Глѣбова (Вовкъ и китъ):

Самъ себе выны:

Що, братику, посіаявъ, те й пожны.

Или у Крылова (Левъ и мышъ):

Не плюй въ колодезь, пригодится воды напиться.

У Глѣбова въ той-же баснѣ:

Не плюй въ колодязь, —пригодиться воды напыть-ся *). и т. д.

Понятно, что въ такихъ передачахъ Крылова малорусскій языкъ присутствуетъ почти только въ видѣ замѣны *н* на *и*, а *и* на *ы*. Иногда это слишкомъ усердное слѣдованіе оригиналу приводитъ нашего автора даже къ нѣкоторымъ неловкостямъ и несообразностямъ. Напр., у Крылова въ баснѣ «Лисица и осель» очень естественно говорится о звѣряхъ, что каждый изъ нихъ вымещалъ больному льву

«по своему:

Кто *зубомъ*, кто рогами.»

Глѣбовъ заставляетъ звѣрей драться дубиной:

«пидъ боки стусоне

Чы *дрюкомъ*, чы рогамы **)).»

Слова Крылова о пустой бочкѣ, что она «вскачъ несется», переданы, что бочка «брыка та такъ басуе ***)), т. е. о бочкѣ сказано то, что малорусскій языкъ дозволяетъ сказать только о лошади, везущей бочку.

*) Байки 1895, стр. 17.

**) Тамъ-же, стр. 7.

***)) Черниговскія Губ. Вѣдомости 1853, № 16, стр. 136.

Но чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе и болѣе эти шероховатости у нашего автора сглаживаются, и онъ изъ робкаго переводчика чужихъ образцовъ превращается мало по малу въ самостоятельнаго мастера, произведенія котораго блещутъ оригинальнымъ творчествомъ, выросшимъ на собственной своей народной почвѣ. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть параллельно нѣкоторыя басни Глѣбова и Крылова—напр. Бджола и мухы, Собака й кинь, Хмара, Цикавый, Вареныкы, Хмелына и лопухъ, Шелестуны и многія другія. Въ басняхъ Крылова отражается бытъ и характеръ великорусскаго народа, и его великолѣнные медвѣди, волки и ослы—типичные великорусскіе мужики. Наоборотъ, у Глѣбова—это типичные малороссы. Стоитъ только сравнить «Демьянову уху» съ «Вареныками». Здѣсь не можетъ быть и рѣчи о переводѣ, здѣсь все оригинально.

«Сосѣдушка, мой свѣтъ,

Пожалуйста покушай»

начинаетъ свою басню Крыловъ и приводитъ дальше діалогъ сосѣдей. Этотъ діалогъ, несомнѣнно мужицкій, но онъ могъ бы принадлежать каждому мужику и какихъ нибудь специальныхъ типическихъ чертъ въ здѣсь не найдете.

Глѣбовъ поступаетъ совершенно иначе. У него басня начинается краткимъ, но выразительнымъ описаніемъ житейскаго благополучія двухъ друзей-мирошниковъ, изъ которыхъ одинъ въ гостяхъ у другого... Разговоръ ихъ замѣчательно типиченъ:

«А нумъ, мирошнику, молоть безъ витру,»

Сказавъ шуткуючы Демьянъ:

«Попереду пидмажемо колеса,

Щобъ млынъ не торохтивъ

И шистирня довготелеса

Не дряпала бокивъ».

Такъ могутъ говорить лишь мирошники. Много уже они «перемололы» варениковъ, и наконецъ Климъ отказывается:

Не лизе билше, кишъ малый.—

— А ну,—озвавсь Дем'янъ,—потишъ мене мій друже!

Ось глянь, вареничокъ бокастенькый якый!...—

«Хыба одынь»...—промовывъ Клымъ линыво,

Посылкувався и змоловъ.

Онъ ужъ почти дремлетъ послѣ варениковъ и «перчакивки», и, послѣ всего предыдущаго, эта фраза:

«Хыба одынь»...—промовывъ Клымъ линыво

сразу заставляетъ васъ со всей отчетливостью представить сцену малорусскаго «гостювання». Согласно съ болѣе медлительнымъ характеромъ малороссовъ, у Глѣбова діалогъ между пріятелями ведется не въ такомъ скоромъ темпѣ, какъ у Крылова и все время украшенъ блестками украинскаго юмора.

«Ну, скушай-же еще тарелочку, мой милый!»

говоритъ просто Дем'янъ Крылова; но для малорусскаго Дем'яна этого мало. Онъ не можетъ не нарисовать выразительнаго, проникнутаго юморомъ, образа:

«Онъ на весилли тисно якъ бува,

А прыйде старшына—и мисто е...

Щобъ вовка мы у лиси не боялись,

Голубчыку! ковтны ты старшынѹ!..

Мирошныкы зареготались:

«Для тебе,—каже Клымъ,—ковтну!» и т. д.

Бытъ малорусскаго народа постоянно находить прекрасное отраженіе въ басняхъ Глѣбова, давашаго намъ превосходныя картинки въ этомъ родѣ въ такихъ басняхъ, какъ «Ведмедыкъ», «Скоробагатько», «Цикавый» и мн. др.

Что у Крылова почти отсутствуетъ,—это описаніе мѣстной, специально русской природы. Геніальный баснописецъ рисуетъ, правда, иногда то или иное явленіе природы, но здѣсь у него рѣчь почти всегда украшена образами классической мифологии: шумящій аквилонъ, зефиръ, Флорино царство, Фебъ лучезарный, Аврора—постоянно встрѣчаются въ этихъ прекрасныхъ и сильныхъ описаніяхъ. Наоборотъ, Глѣбовъ любитъ описывать

природу и описываетъ свою, мѣстную и пользуется для этого своими, мѣстными образами. Вотъ для сравненія два описанія одного и того-же:

Въ прекрасный лѣтній день,
Бросая по долинѣ тѣнь,
Листы на деревѣ съ зефирами шептали,
Хвалились густотой, зеленостью своей,
И вотъ какъ о себѣ зефирамъ толковали:
«Не правда-ли, что мы краса долины всей?
Что нами дерево такъ пышно и кудряво,
Раскидисто и величаво?
Что бѣ было въ немъ безъ насъ? Ну, право,
Хвалить себя мы можемъ безъ грѣха!
Не мы-ль отъ зноя пастуха
И странника въ тѣни прохладной укрываемъ?
Не мы-ль красотой своей
Плясать сюда пастушекъ привлекаемъ?
У насъ же раннею и позднею зарей
Насвистываетъ соловей.
Да вы, зефиры, сами
Почти не расстаются съ нами. (Листы и
корни).

Вотъ рисунокъ Глѣбова:

Въ одной долины пидъ горою
Высокій явиръ зеленивъ;
Край берега надъ чистою водою
Широки виття роспустывъ;
Лысточки зъ витрыкомъ, жартуючы, шепталысь:
«А ну, голубчыку, ще, ще дыхны!
Бачъ, братику, яки мы повдавалысь
Веселый шелестуны!
Якъ бы не мы зъ тобою шелестили,
То хто бѣ долину звеселявъ,
И съ кымъ бы ты тутъ, витрыку нашъ мылый,
Гуляючы, любенько жартовавъ?
Що бѣ тутъ було безъ насъ? Краса яка?
Бурьянъ та осока;

Була бь долинонька, неначе пустка тая,
А подывись, теперь вона яка!
До насъ зозуленька у гости прилитає
И весело куде, якъ въ тихому кутку;
Вивчарыкъ на сопилку грає
Пидь яворомъ у холодку;
Спиває соловей, неначе у садочку,
А середь ночи въ тихый часъ,
Тутъ мавочки гуляють у таночку,
И ясный мисяць дывиться на насъ». (Шелестуны)

Въ этой колоритной картинкѣ все—и природа, и люди, и даже міеологія мѣстныхъ, малорусскія. Такія басни Глѣбова, какъ «Будякъ и васыльки», «Троянда», «Жукъ и бджола», «Горлыця й горобецъ» и др.—это замѣчательныя картины украинской природы.

Есть у Глѣбова еще одна черта, совершенно отсутствующая у другихъ извѣстныхъ намъ баснописцевъ: это тихій лиризмъ, являющійся постоянно неотъемлемымъ свойствомъ его таланта. Этотъ лиризмъ въ такомъ дидактическомъ родѣ литературы какъ басня дѣлаетъ часто произведенія Глѣбова совершенно особыми, не похожими на произведенія этого жанра другихъ баснописцевъ, придаетъ имъ задушевный характеръ, и въ этомъ отношеніи Глѣбовъ-баснописецъ не имѣетъ соперниковъ. Этимъ лиризмомъ Глѣбовъ не только одухотворяетъ свои картинки природы и народнаго быта, но его гуманная, любящая натура заставляетъ его затрагивать струны чувства читателя по поводу того или иного печальнаго происшествія съ героемъ басни. Интересно по этому поводу сравнить басню Крылова «Левъ и мышь» съ басней Глѣбова на ту-же тему. Разсказавъ о презрѣніи льва къ мыши, баснописецъ сообщаетъ, что «льву даромъ не прошла однакожь гордость эта» и, описавъ, поимку льва, заканчиваетъ басню безъ всякаго сожалѣнія ко льву, говоря:

«... его своя кичливость съѣла».

Глѣбовъ, описавъ то-же событіе, находитъ возможнымъ пожалѣть несчастнаго льва:

Прийшлося гирко бидному йому.

Згадавъ про мышу, що вона казала,
Та й дума плачучы: «якъ бы вона була,
Загынута бѣ мени, дурному, не дала
Тенета бѣ вси попрогызала...

И я бѣ гулявъ оцѣ въ зеленому гаю,

Мовъ у раю»...

А самъ, сердешный, слизоньки ковтае:

Е каяття, та вороття немае.

Однако это гуманное отношеніе къ виновному, но впавшему въ несчастіе, не препятствуетъ автору говорить, вмѣстѣ съ словами сожалѣнія, и необходимую правду.

Вотъ, напр., басня Лафонтена «Le Lion devenu vieux» — состарѣвшій левъ ожидаетъ удара осла.

Ah! c'est trop, lui dit-il; je voulais bien mourir,

Mais c'est mourir deux fois que souffrir tes atteintes *).

Крыловъ передаетъ этотъ конецъ довольно близко:

Какъ смерть моя ни зла —

Все легче, чѣмъ терпѣть обиды отъ осла.

(Книга VIII, № II).

Глѣбовъ сохраняетъ тотъ-же конецъ:

И справди тяжко, що й казать!

Отъ до чого сыленный левъ дожився:

Бодай бы бувъ не народывся,

Якъ такъ жыття свое кинчаты.

Но авторъ считаетъ нужнымъ пояснить, почему такъ отнеслись звѣри ко льву: онъ звѣрямъ «багато лыха наробывъ», а

Не треба людямъ забуваты:

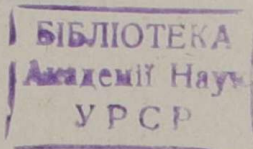
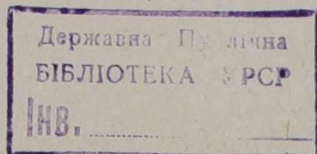
Хто вѣкъ по божому проживъ,

Николы зла и кривды не чынывъ,

Того до смерты будуть поважаты.

(Левъ дидуганъ, LII).

*) Fables de La Fontaine XVI, n. iv II. r. li

УК 430

Нелюбовь нашего автора къ насилію и защита слабого противъ сильнаго, злоупотребляющаго своею силою, проявляется въ большинствѣ его басенъ; изъ особенно выразительныхъ въ этомъ отношеніи назовемъ: Вовкъ и ягня, Гадюка та ягня, Собака й кинь, Танци, Кундель, Соломьяный дидъ. Въ послѣдней баснѣ Глѣбовъ указываетъ на отживаніе старыхъ пріемовъ воздѣйствія страхомъ и на необходимость замѣны ихъ новыми. На застрачиванія «дидомъ»—пугаломъ, стоящимъ въ саду съ палкою въ рукахъ, «горобци» отвѣчаютъ:

Мы бачылы ще не такихъ:

У панському саду стоялы генералы,—

Та й тымъ на голову сидалы,

А се соломьяный—не боимось,

Пидъ носомъ пурхаемъ и сміємось.

«Таки диды» замѣчаетъ отъ себя авторъ

Ничогисинько не помагають.

А часъ бы людямъ перестать

Соломьяного дида пхать

И тилко горобцивъ смишыты:

Теперь не пугаломъ добра навчать,

Намъ треба иншого бажать—

Жывого слова правды и просвиты *).

Вопросъ о просвѣщеніи народныхъ массъ вызвалъ у нашего автора еще одну прекрасную басню—«Жукъ и бджола» (Черниг., изд. стр. 155).

Басни «Хмара», «Былына», «Бджола и мухы», указываютъ на необходимость не отрываться отъ родной почвы при работѣ на пользу народа, а басня «Кундель» въ надлежащемъ видѣ представляетъ тѣхъ, которые хотѣли бы насиліемъ заставить всѣхъ думать и дѣлать по одинаковому шаблонному образцу, рекомендуемому подобными «кунделями».

Къ недостаткамъ басенъ Глѣбова, кромѣ уже сказаннаго о басняхъ перваго періода его писательской

*) Черниговское изданіе 1895 г., стр. 149.

дѣятельности, слѣдуетъ отнести растянutosть нѣкоторыхъ изъ нихъ (напр. «Мандривка», «Музыкы»), а затѣмъ—иногда не вытекающія изъ смысла басни нравоученія. Таковы, напр., нравоученія въ басняхъ: «Хмара», «Билочка», «Цикавый», «Вовкъ та зозуля». Иногда эти нравоученія являются совершенно излишними, напр. въ басняхъ «Муха й бджола», «Танци», «Цуцыкъ».

Языкъ Глѣбова вообще прекрасный, народный, звучный и образный; но иногда встрѣчаются ошибки въ лексикѣ, производящія непріятное впечатлѣніе—это употребленіе нѣкоторыхъ формъ, чуждыхъ малорусскому языку. (Замѣчаніе это относится не только къ баснямъ, но и къ инымъ стихотвореніямъ Глѣбова) *). Эти погрѣшности противъ чистоты языка произошли у Глѣбова неумышленно; но есть случаи, когда онъ сознательно употреблялъ чуждые народному языку выраженія, напр. въ басняхъ «Троеженецъ» **), «Танци», гдѣ онъ упо-

*) Чтобы не заслужить упрека въ голословности, приводимъ рядъ выраженій, встрѣченныхъ нами при перелистываніи черниговскаго изданія (1895) «Байокъ». Напечатанныя въ разбивку выраженія мы считаемъ несвойственными малорусскому языку:

Паны безъ дила сотни всюды сують (стр. 6).—Собаки й справди унялыся (10).—Вдывыло не то людей—котивъ дурныхъ (50).—И трусыться, и хныче (79).—Яка бида надъ нымъ стряслася (79).—Розвеселывъ винъ брата невзначай (80).—И ну хазяина журыты (87).—Теперь усякъ йому видячыть наровыть (99).—Кабанъ клыкомъ пидъ боки стусоне (99).—И той урве хочъ хвостыка кинецъ (99).—Куманька свого шанувала (101).—Шустрая кума (102).—Панову хандру потроху розважать (103).—Улучывъ лысь годиноньку шаслыву (105).—По уговору—се моя (105).—Списыво глянувъ (114).—Усе було одно твердыть (115).—И ну скакаты, аукаты и страшыты (120).—Мовчалывый ковыль (137).—Погана тына (138).—За мною волочылысь (=ухаживали, 142).—Тварь предъ королемъ своимъ лыкуе (111).—

**) Это одна изъ самыхъ слабыхъ басенъ Глѣбова, особенно если сравнить ее съ великолѣпною баснею Гребинки на ту-же тему—«Гришныкъ».

требляетъ слова и обороты русскаго канцелярскаго слога, отчего языкъ этихъ басенъ оказывается очень пестрымъ.

Перечитывая басни Глѣбова въ хронологическомъ порядкѣ, убѣждаешься, что, начавъ съ не всегда удачныхъ, очень несамостоятельныхъ подражаній Крылову, Глѣбовъ чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе и болѣе превращался въ самостоятельнаго художника, и многія изъ самыхъ лучшихъ его басенъ написаны въ послѣдніе годы его жизни.

Лирическія стихотворенія Глѣбова не многочисленны и не отличаются разнообразіемъ затронутыхъ ими темъ.

Любовь, воспоминанія о быломъ, утрата молодости—вотъ ихъ темы; тихая печаль—обычный ихъ колоритъ; иногда легкая безобидная шутка. Но въ нихъ есть искренность и задушевность, образы поэтичны, языкъ звученъ, а въ шутливыхъ стихотвореніяхъ—чисто украинскій юморъ. Особенно хороши «Журба» и «У степу». Первое изъ нихъ, начинающееся словами:

Стоить гора высокая,
Попидь горою гай...

сдѣлалось издавна очень популярною пѣсней среди интеллигенціи, а въ послѣднее время переходитъ и въ народъ.

Дѣтскія лирическія стихотворенія Глѣбова показываютъ умѣнье стараго поэта затрагивать дѣтскую душу и фантазію образами, захватывающими дѣтей.

«Весна прійшла
Тепло знайшла!
Крычать дивчатка й хлопчыкы.
«Цвинь цвинь!
Журбу покынь»!
Клопочуться горобчыкы.

...
Все ожило,
Все росцвило,

И рій дитей привитненькихъ
На той горбокъ
Несе винокъ
Зъ хвіялочокъ блакитненькихъ.

Они украшаютъ имъ стараго «дидка» — самого автора.

Бренить дидокъ,
Якъ той мачокъ,
Крапчастый и повнесенький;
Крычать, гудуть,
Далеко чуть
Таночокъ голоснесенький!
«Цвиринь! цвиринь!
Журбу покынь!
Пидспивують горобчыкы,
И я зрадивъ,
Помолодивъ,
Якъ ти дивчата й хлопчыкы.

Такъ и вѣтъ отъ этой картинки вѣянiемъ весны и запахомъ первыхъ цвѣтовъ.

И поэтъ дѣйствительно помолодѣлъ въ послѣдніе годы своей жизни; образъ сѣдого и слѣпого старика, украшаемаго цвѣтами толпой окружающихъ его румяныхъ жизнерадостныхъ дѣтей, существовалъ не только въ воображеніи поэта, но былъ дѣйствительностью, такъ какъ послѣдніе годы его были окружены любовью дѣтей-галичанъ, для которыхъ онъ писалъ.

Совсѣмъ особый родъ поэзіи представляютъ стихотворныя загадки Глѣбова, печатавшіяся въ журналѣ «Дзвинокъ». Онъ бралъ обыкновенно народную загадку и включалъ ее въ остроумную, иногда очень изящно написанную картинку *).

*) Въ этомъ родѣ есть тринадцать пьесокъ Шиллера (см. его «Parabeln und Rätsel» въ первомъ томѣ двѣнадцатитомнаго бер-

Во всѣхъ дѣтскихъ стихотвореніяхъ Глѣбова сказанъ его замѣчательный педагогическій тактъ, его природное умѣнье заинтересовывать и увлекать маленькихъ читателей такъ точно, какъ когда-то, на лекціяхъ гимназій, онъ увлекалъ и покорялъ своихъ слушателей—дѣтей.

линскаго изданія «Schillers sämtliche Werke», стр. 236). Загадки нашего автора отличаются оригинальностью. Вотъ одна изъ нихъ:

Мовчала ничъ; уси мовчали
И соловейко задримавъ;
На неби зирочки блышала;
За гаємъ мисяць_выглядавъ.
Не спало трое у господи;
Не видно, де воно й яке;
Вы, диты, станьте у прыгоди,
Вгадайте—що воно таке?
«Пошли намъ, Боже, день скоріше»
Одно озвалось на стини:
«Теплише буде й веселише,
Якъ блысне сонечко мени».
А друге каже: «Ничко мѣла!
Колы бъ съ тобою довше быть:
Мене безъ тебе тилко й дила,
Що въ боки пхають и товчуть».
Мовляе третє: «Ричъ даремна,
Мене нищо не веселить,
Чы то настане ничка темна,
Чы то веселый день шумить».

ВИДГАДКА.

Вночи сумуючы, в к о н ц е
Благає Бога день послать,
Щобъ засвѣтило яснє сонцє,
Щобъ дитямъ щастя не проспать.
Нарыпавшысь у сины зъ хаты,
Бажають д в е р и видпочыть.
И просять ничку покій дати,—
Нехай, мовъ, лихо довше спыть.
А сволокъ—все йому байдуже,
Усе дарма—чого тужыть?
И не турбується винъ дуже,—
Зализъ пидъ стелю та й лежыть.

(Дзвінокъ 1890, № 13 и 14).

Изъ рассказанныхъ выше фактовъ біографіи Глѣбова видно, что условія для развитія его таланта были очень неблагопріятны, что въ жизни поэта были бесплодные періоды полной пріостановки его творчества. Несмотря на это, все-же произведенія Глѣбова послѣднихъ годовъ отличаются такой свѣжестью и сочностью красокъ, которая показываетъ, что этотъ физически больной, слѣпой старикъ не только не утратилъ своихъ поэтическихъ способностей молодыхъ лѣтъ, но подвинулся впередъ и какъ будто помолодѣлъ.

Глѣбовъ, по размѣрамъ своего таланта, конечно, не былъ первокласснымъ поэтомъ, раскрывающимъ новые широкіе горизонты, пролагающимъ новые пути къ идеалу красоты и истины; но онъ все-же служилъ этому идеалу и далъ намъ истинно поэтическіе образцы.

Б. Гринченко.

Матеріалами для настоящей статьи, кромѣ печатныхъ произведеній поэта, послужили: а) различные письма и иныя рукописи, любезно предоставленныя въ наше распоряженіе сыномъ покойнаго А. Л. Глѣбовымъ, а также и имѣвшіяся у насъ лично, б) воспоминанія о поэтѣ лицъ, его знавшихъ. Изъ печатныхъ статей о Глѣбовѣ цѣнный матеріалъ представляютъ замѣтки А. А. Тищинскаго въ № 4 «Дзвинка» за 1891 г. (по поводу юбилея поэта) и № 1 за 1894 г. (по поводу его смерти). Главы о Глѣбовѣ у Петрова (въ книгѣ: «Очерки исторіи украинской литературы XIX в.») и у Огоновскаго (въ его изданной по малорусски во Львовѣ исторіи украинской литературы) очень бѣдны свѣдѣніями.

Ниже мы помѣщаемъ библіографическій указатель печатныхъ малорусскихъ сочиненій Глѣбова. Въ него мы не включали совсѣмъ различныхъ *перепечатокъ* басенъ и иныхъ стихотвореній Глѣбова, дѣлавшихся въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, хрестоматіяхъ для класнаго чтенія въ галицкихъ народныхъ школахъ и гимназіяхъ и пр., отмѣчая только *первое* появленіе пьесы въ печати. Но изданія басенъ Глѣбова отдѣльными книжками указаны нами всѣ.

1853.

ЧЕРНИГОВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

№ 8. Вовкъ и китъ. Байка.

Вовкъ и вивчари. Байка.

Лебидь, щука и ракъ. Байка.

» 11. Лысыця и оврахъ. Байка.

Вовкъ и лысыця. Байка.

№ 12. Мирошныкъ. Байка.

Лысыця и осель. Байка.

✓ Чыжъ та голубъ. Байка.

- » 16. Дви бочки. Байка.
Жаба и вилъ. Байка.
Мужыкъ та лысыця. Байка.
Прохожи та собака. Байка.
- » 18. Мыша й пацюкъ. Байка.
- » 19. Хлопчыкъ и гадюка. Байка.
- » 20. Вовкъ и мышеня. Байка.
- » 21. Зозуля й пивень. Байка.
Левъ та мыша. Байка.
- » 22. Спиваки. Байка.
- » 25. Левъ та вовкъ. Байка.
Хазяинъ та шкапа. Байка.
- » 28. Троеженецъ. Байка.
- « 29. Охримова свята. Байка.
Два кума. Байка.
- » 35. Камень та червякъ. Байка.
- » 36. Сыныця. Байка.

1855.

ЧЕРНИГОВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

- № 46. Остапова правда. (Стихотвореніе по поводу
прохода ополченія чрезъ Нѣжинъ).
- » 48. Писня: Скажите мени, люде добри, въ кого
я вдалася?
- » 50. Вовкъ та ягня. Байка.

1856.

ЧЕРНИГОВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

- № 15. Шпакъ. Байка.

1858.

ЧЕРНИГОВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

- № 8. Шука. Байка.
- » 9. Свыня. Байка.

- » 15. Думка: Якъ за лисомъ за пролисомъ ясне сонце сходять.
- » 16. Стрыжено! Стрыжено! (Этнографич. запись).
- » 17. Вивчарь. Байка.
- » 18. Лящи. Байка.
- » 22. Нетутешня былина. Байка.

1859.

ЧЕРНИГОВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

- № 20. Цикавый. Байка.
- » 22. Разсказъ объ ужѣ. (Этнографическая запись). (?)
- » 23. Писня: Летять голубъ по надъ полемъ.
- » 24. Купецъ та мыши. Байка.
- » 34. Ярмарокъ. Стихотвореніе.
- » 35. Вечиръ. Стихотвореніе.
- » 39. Паняночка. Стихотвореніе.
- » 43. Торбына. Байка.
- » 44. Журба. (Стоить гора высокая). Стих.

1860.

ЧЕРНИГОВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

- № 11. Зиронька. Стихотвореніе.

1861.

О С Н О В А.

- № 4. Горлыця й горобецъ. Байка.

1862.

О С Н О В А.

- № 5. Моя веснянка. Стихотвореніе.
- » 10. До ворожки. Стихотвореніе.

1863.

ЧЕРНИГОВСКІЙ ЛИСТОКЪ.

№ 1. Мышача рада. Байка.

» 5. Панъ на всю губу. Байка.

Для народного чытанья. П. Байки Леонида Глибова. Выдавъ Ол. Стояновъ. Кіевъ.

1872.

Байки. Леонида Глибова. Черниговъ.

1882.

Байки Леонида Глибова. К. 1882. 106 стр.

1889.

Тамъ хороше, де насъ нема. Л. Глибова. Черниг.

1890.

З О Р Я.

№ 5. Вередлыва дивчына. Байка.

Старець. Байка.

» 6. Танци. Байка.

Музыкы. Байка.

» 12. Розмова. Стихотвореніе.

» 14. Ярмарокъ. Стихотвореніе. Передѣлка стихот.
напечатаннаго въ Чер. Губ. Вѣд. (1859, № 34).

ДЗВИНОКЪ.

№ 5. Коныкъ-стрыбунецъ. Байка.

» 6. Пивень и перлынка. Байка.

» 8. Христось Воскресъ! Стихотвореніе.
Левъ-дидуганъ. Байка.

» 10. Тамъ хороше, де насъ нема. Байка

» 11. Ягня. Байка.

» 12. Хазяйка и челядки. Байка.

» 19. Жабы. Байка.

Загадки въ стихахъ и отгадки къ нимъ въ № №
11—12, 13—14, 15—16, 17—18, 19—20, 21—22, 23—24.

Байки Леонида Глибова: Тамъ хороше, де нась
нема.—Ягня.—Хозяйка и челядки.—Льв.

1891.

З О Р Я.

- № 1. Снигуръ та сынычка. Байка.
» 6. Билочка. Байка.
» 9. Шелестуны. Байка.
Де кому на догадъ. (Акростыхъ).
» 14. Дыковына. Байка.
» 16. Пеня. Байка.

Д З В И Н О К Ъ.

- № 1. На новый рикъ. Стихотвореніе.
Кому привить? Акростихъ.
» 2. Будякъ и васыльки. Байка.
Хто баба? Акростихъ.
» 3. Лысыця-жалибныця. Байка.
Хто вона? Акростихъ.
» 4. Ластивка й шулика. Байка.
Дуля. Сказка въ стихахъ.
Сонъ. Малорус. переводъ стих., съ котораго
считается начало литературной дѣятельно-
сти Глѣбова.
» 5. За щедривку писенька. Отвѣтъ на юбилейное
привѣтствіе отъ галицкихъ дѣтей.
» 6. Щука й китъ. Байка.
» 8. Благанне. Стихотвореніе.
» 9. Пысанка. Стихотвореніе.
» 9. Паляныця й кнышъ. Байка.
» 11. Веснянка. Стихотвореніе.
Хто вони? Акростихъ.
» 12. Фіялка и буръянъ. Байка.
» 19. Дидокъ и витрякы. Байка.

» 23. Дубъ и лозына. Байка.

» 24. Кто хвастает? Акrostихъ.

Загадки и отгадки въ № №: 4—6, 7—8, 9—10,
11—12, 13—14, 15—16. 17—18.

ИЛЮСТРОВАНА БИБЛИОТЕКА ДЛЯ МОЛОДИЖИ.

№ 8. Писля жнивъ. Стихотвореніе.

» 9. Кто сестра и братъ? Акrostихъ.

» 10. На току. Байка.

Осель та соловей. Байка. *Ридный зильныкъ*. Альманахъ
Льв.

До мировогоо. Жартъ въ одной діи Л. И. Глибова
С.-Пб. 39 стр. іп 8.

1892.

З О Р Я.

№ 1. На перелази. Стихотвореніе.

» 3. Соломѣяный дидъ. Байка.

» 7. Зузуля й горлыця. Байка.

» 11. Не плачь, поэтъ. Стихотвореніе.

» 13. Цуцыкъ. Байка.

» 15. Цяцькованный осель. Байка.

» 18. Гусы. Байка.

» 22. Хмелына и лопухъ. Байка.

ДЗВИНОКЪ.

№ 1. Щедровка. Стихотвореніе.

Горшкы. Байка.

Що за птыця? Акrostихъ.

» 2. Зимня писенька. Стихотвореніе.

» 3. Що зашкварчить? Акrostихъ.

» 5. Лысыця и виноградъ. Байка.

» 9. Тинь и хлопчыкъ. Байка.

Загадки и отгадки въ № №: 1—2, 3—4, 5—6, 8—9, 10—11.

ИЛЮСТРОВАНА БИБЛИОТЕКА ДЛЯ МОЛОДИЖИ.

№ 2. Орачи и муха. Байка.

1893.

З О Р Я.

- № 1. Nosturno. Стихотвореніе.
» 2. Мыколи Лысенкови (стих. на юбилей).
» 3. Сыла. Байка.
» 5. Надъ Днипромъ. Стихотвореніе.
» 16. У степу. Стихотвореніе.
» 20. Троянда. Байка.

ДЗВИНОКЪ.

- № 1. На новый рикъ. Стихотвореніе.
» 2. Вселый переспивъ на новый рикъ. Стих.
Пташка. Стихотвореніе.
» 4. Жукъ и пчола. Байка.
» 5. Вовкъ и кундель. Байка.
» 8. На Велыкдень. Стихотвореніе.
» 17. Квиткове весилле. Стихотвореніе.
Жвавый хлопчыкъ. Байка.
» 19. Перекотыполе. Байка.
» 20. Снигуръ та сынычка. Байка.
Хто розмовляє? Акrostихъ.
» 21. До дитей. Стихотвореніе.
» 22. Хто бреше? Акrostихъ.

Загадки и отгадки въ № № 2—3, 4—5, 8—9, 17—18, 21—22.

1894.

З О Р Я.

- № 1. Пидъ калыною. Стихотвореніе.
» 8. Думка. Стихотвореніе.

ДЗВИНОКЪ.

№ 1. Огонь и гай. Байка.

П Р А В Д А.

Мальованный стовпъ. Байка. Вып. 59, сичень.

1895.

Байки Леонида Глибова. Выдавъ Олександръ Глибовъ. Черн. IV+172 стр. іп. 18° съ портретомъ автора (въ части экземпляровъ) и предисловіемъ Б. Г.

Какъ сказано выше, мы отмѣчали здѣсь только первое появленіе въ печати каждой пьесы. Но, благодаря трудности пользованія галицкими изданіями, мы не только не можемъ ручаться за то, что нами сдѣланы всѣ указанія, но даже почти увѣрены, что у насъ не достаеъ отмѣтки относительно нѣкотораго количества пьесъ, первоначально появившихся въ такихъ галицкихъ изданіяхъ, какихъ мы не имѣли въ рукахъ. При сличеніи послѣдняго, посмертнаго, изданія «Байокъ» съ хранящейся у А. Л. Глѣбова рукописью, въ которую вписаны всѣ сто семь басенъ Глѣбова, видно, что изъ общаго количества ихъ напечатано въ книжкѣ лишь восемьдесятъ восемь пьесъ. Не попали въ это изданіе восемь басенъ изъ тѣхъ, которыя печатались раньше въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, Черниговскомъ Листкѣ и Основѣ, а также въ предыдущихъ отдѣльныхъ изданіяхъ басенъ (1863, 1872 и 1882), а именно: Лебидь, шука и ракъ,—Вовкъ и лысыця,—Чыжъ та голубъ,—Дви бочки,—Зозуля й пивень,—Свыня,—Панъ на всю губу,—Оселъ и хазяинъ. Затѣмъ одинадцать басенъ, написанныхъ позже: Жабы,—Лысыця и виноградъ,—Вовкъ и кундель,—Огонь и гай,—Мальованный стовпъ,—Оселъ и соловей,—Дидокъ у лиси,—Гава и лысыця,—Левъ и комарь,—Чабанъ и комарь,—Перлы и свыня.

Весьма жаль, что эти басни не вошли въ послѣднее изданіе, которое такимъ образомъ не является тѣмъ, чѣмъ оно должно было бы быть: полнымъ собраніемъ басенъ нашего автора.

Равно можно лишь пожалѣть, что до сихъ поръ не собраны вмѣстѣ и не изданы инныя стихотворенія Глѣбова. Слѣдуетъ надѣяться, что издатель послѣдняго изданія «Байокъ» не замедлитъ собрать все обозначенное въ вышеприведенномъ списокѣ въ одну книгу. Такое собраніе сочиненій Л. Глѣбова будетъ должною данью уваженія къ симпатичному поэту, а съ другой стороны явится очень желательнымъ подаркомъ нашей читающей публикѣ. Многіе почитатели Глѣбова и среди образованныхъ классовъ, и среди сельскихъ читателей ждутъ такого изданія. Желательно было-бы, чтобы оно явилось такимъ же дешевымъ, какъ изданіе «Байокъ» 1895 г.

29. *Махновський*. Про вису. Ликарське оповид. Ц. 5 к.
30. *Батькове вишування*. (Кулишъ, Марко Вовчокъ). Ц. 3 к.
31. *Гринченко*. Писни та думи. Вирши. Ц. 50 к.
32. *Гринченко*. Хатка въ балци. Опов. Ц. 35 к., а на гарному папери 75 коп.
33. *Гринченко*. Оповідання. Ц. 35 к., а на гарному папери 75 коп.
34. *Грабъ П.* Кобза. Спиви й переспиви. Ц. 35 к.
35. *Гребинка*. Приказки. Цина 5 коп.
36. *Федьковичъ*. Побратимъ.—Хто вынень?—Оповідання. Ц. 4 коп.
37. *Степови коитки*. Вирши старыхъ и новыхъ украинскихъ поэтивъ. Упорядкувавъ Б. Гринченко. Ц. 40 коп.
38. *Защирня*. Давня прыгода. Оповідання про Исака Джема. Ц. 6 коп.
39. *Гринченко*. Смильва дивчына. Казка виршомъ. Цина 4 кой.
40. *Защирня*. У сніговому край. Оповідання про Гренландію. Ц. 5 коп.
41. *Коваленко*. Клопить у с. Билавивци. (Про сифились). Ц. 4 коп.
42. *Гринченко*. Середъ крыжаного моря. Оповідання. Ц. 8 коп.
43. *У неволи*. Оповідання про туркменивъ та Хыву. Ц. 4 коп.
44. *Мудра дивчына*. Народня казка. Ц. 5 к.
45. *Защирня*. Сграшний ворогъ. Книжка про горилку. Цина 6 к.
46. *Макаровський*. Наталя або дви доли разомъ. Поэма. Ц. 5 коп.

Хто цихъ книжокъ выпише не менше якъ на 5 р., тому скидається 25 коп. зъ рубля; а колы выпише не менше якъ на 25 руб., то скидається половына.

- Гринченко*. Етнографическіе матеріали (малорусскіе). Томы 1 и 2. Проза. Ц. 1-го тома: 1 р. 50 к., 2-го—2 р. Томъ III—Пѣсни. Ц. 3 р. 50 к.
Гринченко. П. А. Кулишъ. Біографическій очеркъ. Ц. 25 коп.
Гринченко. Народные спектакли (малорусскіе). Ц. 25 коп.
Защирня. Л. П. Глѣбовъ. Біогр. очеркъ. Ц. 25 коп.
Р. Б. Хома Баглай. Поэма. Звиршувавъ П. Г. Ц. 10 к.

Хто купуе кожнои книги (зъ цихъ трьохъ) не меншъ якъ 10 примирныкивъ, тому скидається 25 коп. зъ рубля.

Вси ці книжки треба выписувати видъ Б. Д. Гринченка зъ Чернигова.

Колы покупець має скидку, то самъ платить за пересылку; колы скидки не має,—то платить за пересылку видавець.

ГЛИВОВЪ Л. Байки. Цина 15 к., на кращ. папери 25 коп., на велиз. 40 к. Адресъ: Черниговъ, А. Л. Глѣбову.

УК 1900
Г 53-3

ХВЫЛЯ ЗА ХВЫЛЕЮ.

АЛЬМАНАХЪ,

состоящій изъ стихотвореній, рассказовъ и драматическихъ произведеній современныхъ украинскихъ писателей:

Т. Бордуляка, Б. Гринченка, Днипровой Чайки, Т. Зинькивскаго, М. Коцюбинскаго, А. Крымскаго, О. Маковея, В. Самійленка и И. Франка.

Четыреста страницъ убористой печати.

Цѣна съ пересылкою 1 рубль.

При выпискѣ 10 экземпляровъ и при пересылкѣ на счетъ покупателя скидка въ 25%.

Адресъ издателя: Черниговъ, Б. Д. Гринченко.

УК